

МОРСКОЙ КОМПАС

Летними днями Юрик спозаранку вскакивал с кровати, торопливо натягивал майку, хватал полотенце и опроремью бежал по росистой тропке к Берестянке — узкой, заросшей камышом речонке.

Сняв на бегу одежду, Юрик зажмурился и прыгал в воду. От прохладных струй дрожь пробегала по всему телу и кожа покрывалась пупырышками.

Юрик переплывал реку и быстро возвращался назад. Затем он одевался и не спеша направлялся домой.

Вот и сегодня Юрик с разбегу окунулся в воду и саженьками поплыл к противоположному берегу. Выбравшись и попрыгав на одной ноге, чтобы вылилась из уха вода, он посмотрел назад и ахнул. Одежды на месте не оказалось. Что такое? Ведь никого не было поблизости! Чудеса, да и только... Юрик на всякий случай погрозил кулаком в сторону камышовых зарослей — дескать, кто там, не шутите, не то хуже будет. Камыши даже не шевельнулись.

Озадаченный Юрик переплыл на свой берег и окончательно убедился в пропаже.

А камыши захихикали, потом фыркнули и расхохотались незнакомым мальчишеским смехом. Юрик даже подскочил на месте, когда из зарослей выбрался невысокий толстощекий парнишка. Круглое лицо незнакомца сияло.

— Ну, что? — сказал он и снова зафыркал от удовольствия. — Разложил свою спецовку. Держи! — и он бросил съжившемуся Юрику одежду. — Эх ты, Рыжик!

— А ты не очень, — голос Юрика дрогнул, — откуда такой взялся? По какому праву чужие вещи хватаешь? — Юрик торопливо натянул майку и трусы и сразу почувствовал себя увереннее.

— Я не откуда, а из города, — толстощекий заулыбался. — Я за тобой уже второй день слежу. Знаешь, кто я? Изыскатель!

— Изыскатель чужой одежды! Вот как дам!

— Дай!

— И дам!

— Дай!..

Юрик зажмурился, будто лез в холодную Берестянку, и решительно двинулся на противника. Но похититель неожиданно сделал огромные глаза, лицо его вытянулось, и он с воплем метнулся назад.

— Ага, струсил! — закричал Юрик и бросился вслед за незнакомцем. Тот споткнулся и преследователь успел вцепиться в его жесткие волосы. Толстощекий оказался расторопным и тоже ухватился за Юриков рыжий вихор.

Потом они, шурясь и отдуваясь, несколько минут смотрели друг на друга.

— Долго так будем? — спросил, наконец, незнакомец. — Ты индеец, что ли, за скальп ухватился? Монтигомо Ястребиный Коготь... — И он опять фыркнул и добродушно засмеялся. Юрик — отпустил противника.

— Фу, даже жарко стало, — толстощекий покрутил — шеей. — Да что ж ты, ищи! — И пополз на четвереньках, тщательно осматривая густую траву.

— Чего искать-то?

— Чудак человек! Компас, говорю тебе! Юрик нехотя опустился на колени, совершенно сбитый с толку.

— Это все из-за тебя получилось. Из-за твоей майки. И где я компас потерял? Вот беда!

Они обыскали весь берег, но компас словно в воду канул. Толстый парнишка поднялся и растерянно всплеснул руками:

— Что я теперь дома скажу?

— погоди! — перебил его Юрик. — Не мог же он, как лягушка, в речку бултыхнуться. Где ты сначала стоял? Около камней? Ну и пойдём там посмотрим.

Они направились к валунам. Толстощекий растерянно моргал глазами:

— Понимаешь, редкая вещь. Я ее без спроса взял. Думал, пойду по берегу на разведку. И потерял.

— Без спросу взял? Э!.. — Юрик присвистнул. — Баяна будет, определенно. Мне однажды здорово попало за то, что не спросился, в город на машине поехал. С тех пор я зарок дал, чтобы без спросу никуда. Ну, давай искать. — Ты слева, я справа пойду.

Юрик сделал несколько шагов, и сразу закричал:

— Вот, гляди сюда! Он? Вот так штучка! — Юрик взял в руки незнакомый предмет в тяжелом медном, с прозеленью, корпусе. Внутри его виднелась большая узорная стрелка. Белая, похожая на фарфоровую, шкала с буквами и цифрами лежала на доньшке, в центре ее чернела странная геометрическая фигура, похожая на цветок с острыми лепестками. На литом корпусе — цепочка иностранных букв и цифра — 1811.

Толстяк очутился рядом с Юриком и запрыгал от радости.

— Спасибо! Давай сюда!

— Это — из — музея? — удивленно — спросил Юрик, с интересом рассматривая удивительный прибор.

— Нет, это с французского корабля, который потопили русские моряки еще в Севастопольскую войну, при царе... В прошлом году наши водолазы германские корабли под Севастополем поднимали и наткнулись на него. Сняли компас, а потом командир водолазов его моему папе подарил.

— Это как же?.. Больше ста — лет — на дне компас пролежал? Ух, здорово!.. — Юрик даже языком прищелкнул.

Мир был восстановлен, и ребята продолжали рассматривать старинный прибор. А между тем солнце поднялось за синими гребнями дальних перелесков и начало припекать все сильнее. Исчезли розовые краски, восток был залит расплавленным золотом.

— Мне бежать надо, — заторопился Юрик. — Кроликов кормить, да и самому время завтракать. Слушай, — вдруг спохватился он. — А как тебя зовут?

— Ромка. А вообще — Ромуальд. А тебя как?

— Юрик. Ты где квартируешь-то? У Прокопцевых? Так это — за нашим огородом. А я и не знал. Айда вместе!

Вот так и произошло знакомство Юрика и Ромки.

В середине дня они встретились вновь. Лежа на траве под густыми ветвями яблонь, они следили за тающими в небе облачками и разговаривали.

Ромка, к великому удовольствию Юрика, оказался большим выдумщиком. Отец Ромки, геолог, несколько раз брал сына в короткие экспедиции. Поэтому Ромка и называл себя изыскателем. У него была даже своя коллекция минералов: кусочки желтоватой яшмы, зеленого с синими прожилками малахита, прозрачные леденцы горного хрусталя, розовый и белый — мрамор — и масса — других переливающихся разноцветными огоньками обломков.

Дома в чемодане Ромки хранились самодельные самолеты, склеенные из цветной пластмассы, электромоторчики и прочие поделки. Все это сейчас было забыто — Ромка готовился в самостоятельную экспедицию. Он хотел обследовать реку Берестянку и по ее берегу добраться до Черных оврагов. Юрику Ромка предложил войти в состав экспедиции.

Честно говоря, Юрик побаивался Черных оврагов — среди деревенских ребят они пользовались дурной славой. Говорили, что там даже днем летают совы, стоит сумрак и раздаются странные звуки. Были там и пещеры, однако, никто из ребят не пытался в них проникнуть.

Юрик после недолгого колебания высказал свои опасения Ромке.

— Эх ты! — пристыдил тот. — Да это еще интересней. Ты не беспокойся, я компас возьму, чтобы не заблудиться.

— Опять без спросу?

Ромка задумчиво почесал затылок.

— Да. Если спросить — все пропало. Папа скажет — зачем, для чего и так далее. А без спросу...

— Худо будет. Ромка помрачнел.

— Стоп! Завтра папа с бригадой по району поедет. Вот тогда я и возьму. Спрашивать-то не у кого будет? Мы утром пойдем, а к вечеру возвратимся. Понял?

Остаток дня ребята провели в сборах. Запаслись большой горбушкой хлеба, бутылкой молока, — холодным — вареным — картофелем, солью. Провиант уложили в матерчатую сумку. Ее должен был нести Юрик. Остальное снаряжение предназначалось для Ромки.

Ночь пришла ясная, лунная. Юрик, забравшийся в овин на похрустывающее сено, долго не мог уснуть. А что, если они найдут что-нибудь необыкновенное?

Может быть, клад..- Впрочем, откуда быть кладу? Ромка, оказывается, недаром на речку ходил. Он заметил масляные пятна на поверхности Берестянки. Ромка говорит — так часто бывает, нефть просачивается из земли вместе с водой. Может и плещется она где-то здесь, под ногами? И как не заметил эти пятна Юрик?

Так, размышляя, Юрик незаметно для себя уснул. Казалось, что он только на один миг закрыл глаза, но когда открыл вновь — солнечный зайчик прыгал по стене. Наступило утро.

На этот раз Юрик не пошел к речке, а умывался ледяной водой у черного колодезного сруба. Нарвав травы, покормил лопухих кроликов, выпил парного молока, съел два ломтя свежего хлеба. Посидел у приемника, походил по двору, наточил обломанное лезвие перочинного ножа. Затем достал из кладовки моток бечевки — на всякий случай — и положил в сумку. А Ромки все не было.

Поднялся и маленький братишка Юрика — Леня. Семеня босыми ножками, он неотступно следовал за старшим братом. Леня до того надоел Юрику, что тот не удержался и шлепнул малыша. Леня разревелся, и Юрику пришлось уговаривать братишку.

— Ты не реви! Я же потихоньку, не взаправду. Помолчи, а то один секрет не скажу!

Это подействовало сразу. Секрет старшего — дело, стоящее того, чтобы помолчать. Леня умолк и уставился на Юрика.

— Только ты никому ни слова, понял? Я сегодня в экспедицию отправляюсь. Таковую вещь тебе оттуда принесу!..

Леня не понял, куда отправится брат, но насчет — вещи спросил:

— Какую? Большую?

— Среднюю.

В этот момент с огорода донесся свист Ромки.

— Договорились? — Только ты сиди здесь и жди маму. — Она — сейчас — придет. — Сиди, ладно?

Леня закивал головой, и Юрик бросился на зов друга.

— Пошли?

— Айда!

Ребята вышли на берег Берестянки и двинулись вверх по течению. Утро было нежарким, легкий ветерок пузырил рубашки ребят. Стайки бабочек трепетали над тонкими камышинками. Стрекозы поблескивали слюдяными крыльшками над самой водой.

Нагруженный сумкой с компасом, маленьким полированным молоточком, электрическим фонарем и другими вещами, Ромка вскоре вспотел, однако упрямо продолжал двигаться вперед.

Так шли они около часа. На одном из речных поворотов Ромка внимательно оглядел водную гладь.

— Смотри в оба, Юрик! Видишь — нефть гуще пошла?

Река сузилась, ребята с трудом пробирались сквозь береговые заросли, наконец, они выбрались на открытое место. Юрик посмотрел на спуск к воде и разочарованно сплюнул.

— Эх ты, выдумщик!.. Нефть, нефть... Сколько времени ухлопали зря. Пошли бы напрямик, давно были бы у Черных оврагов.

Ромка смущенно почесал лоб. У берега лежала обыкновенная железная бочка из-под керосина. От нее и расплывалась маслянистая радужная пленка.

— Наверно, трактористы ее тут оставили, — предположил Юрик и сел на землю. — Давай перекусим и подумаем... — Он сбросил котомку и достал еду.

В молчании ребята съели половину припасов.

Солнце припекало и Ромка совсем взмок. Когда незадачливые изыскатели поднялись, Юрик смягчился.

— Давай, что ли, твою сумку понесу. Они обменялись поклажей, и Юрик — сказал:

— Пошли вон на тот косогор. Оттуда до оврагов рукой подать.

Взбираясь на гребень берега, Юрик неожиданно оступися и полетел вниз. В сумке забрякало, и Ромка схватился за голову:

— Побьешь!

Однако все оказалось цело, и ребята продолжали путь.

Через полчаса они подошли к Черным оврагам. Узкие, с отвесными скатами, они таили сумрак. На дне оврагов было сыро.

— Давай компас, посмотрим.

Ромка вытащил компас и положил его перед собой. Он долго смотрел на резную стрелку и, наконец, с недоумением произнес:

— Врет, кажется. Север у нас где? Юрик указал на одинокую ольху, возвышавшуюся над оврагом.

— А по компасу север вот... — Ромка ткнул рукой по направлению к выступу известняка. — Это ты виноват! Стукнул его, он и испортился!

Действительно, компас вел себя странно. Когда ребята прошли дальше метров сто, стрелка уже указывала север в южной стороне оврага.

— Ты его угробил!..

Юрик виновато пожал плечами и промолчал.

Ромка вздохнул и спрятал компас.

— Ну, пошли дальше. Что же теперь делать?

Они с полчаса бродили по оврагу и его ответвлениям, пока неожиданно не увидели скрытую под каменным козырьком черную горловину пещеры. Ребята, толкая друг друга, немедленно устремились в глубь пещеры.

— А большая пещера, верно?

Голоса гулко звучали в подземелье. Ромка зажег фонарь. Сноп света выхватил из сумрака каменные стены, с которых вдруг сорвались черные тени и с писком начали метаться, задевая оробевших ребят крыльями.

— Мыши! Летучие!

— Противные... — Юрик поморщился. Одна из стен оказалась закопченной.

— Люди здесь уже были, — сказал Юрка. — Думаешь, мы первые? Айда дальше!

Они свернули — в — узкий — коридор, полого спускавшийся куда-то вниз. Под ногами что-то — звякнуло. Ромка нагнулся — и — пошарил рукой.

— Гляди, патроны!

На ладони Ромки лежали позеленевшие патронные гильзы.

— Это наши... А эти немецкие. Видишь, горлышко какое?

— Тише!.. Что это?

Ромка и Юрик устали друг на друга и заговорили шепотом, с опаской прислушиваясь к странному звуку, равномерно доносившемуся из глубины пещеры.

Ромка возбужденно задышал.

— Давай еще пройдем, а? Интересно.

— Давай! Только не заблудиться бы!

— А веревка на что? Вот она! Привязывай к камню. Вот так! И полегоньку разматывай клубок. Только не выпускай из рук!

Освещая себе путь, ребята зашагали дальше. Опять по стенам чернели пятна копоти, а под ногами позвякивали гильзы, какие-то заржавленные железки. Равномерный звук слышался уже где-то вблизи, и Ромка пошарил по полу узким лучом фонаря.

— Каска!

Да, у стены в ямке лежала перевернутая солдатская каска. Она была наполнена до краев прозрачной ледяной водой. С низкого потолка медленно отрывались и падали в каску крупные капли, издавая столь загадочный звук.

— Наверно, наши бойцы здесь находились...

Веревка кончилась, и Юрик тронул за плечо Ромку.

— Баста! Шпагат весь размотал. Ромка неохотно остановился.

— Жалко! Дальше бы пройти. Ну, да мы в другой раз. — Он направлял луч света во все стороны, словно желая увидеть все, что могло быть в узком коридоре. Несколько раз луч пробежал по неглубоким царапинам, сделанным на гладком камне.

— Ромка, свети сюда! Ага! Смотри, надпись! — Юрик даже бросил конец бечевки и подошел к освещенному месту.

— Смерть неме... захват... чикам. — Медленно прочел он, с трудом разбирая каракули. — Сержант Ив...отапов. 1941 год. Сержант Иван Потапов! Видишь? Вот кто был в пещере!

Из глубины подземного коридора тянуло сыростью и холодом.

— Назад пора, Ромка! Я совсем замерз.

У Ромки тоже стучали зубы, и он кивнул.

— П-пшли.

Подобрав еще несколько гильз, ребята заспешили назад. Когда впереди забрезжил дневной свет, они облегченно вздохнули.

В овраге по сравнению с пещерой было очень тепло, и ребята с удовольствием растянулись на траве.

— Давай поедим — и обратно, в деревню. — Юрик с аппетитом куснул ломоть хлеба, и Ромка последовал его примеру. Поев, они тронулись в обратный путь.

— Ты испугался? — спросил Юрик.

— Ни капли...

— И я... Наверное, здесь был бой. Наши, когда отступали, укрывались в пещере, а фашисты шли за ними. Погиб тот сержант или нет, как думаешь?..

— Нет! Он их тут всех перещелкал. Они лезут, а он из темноты бах, бах! Здорово! Слушай, а ведь это тоже открытие, правда?

— Конечно!

— Вот только компас жалко. Что я теперь отцу скажу?.. — Ромка тяжело вздохнул, постукивая молотком по обломку камня. И в эту минуту откуда-то сверху раздался мужской голос:

— Ромка!

Ребята вздрогнули. Ромка вскочил и вдруг заплясал на одной ноге:

— Папа! Папа!

К ребятам спустился рослый человек.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. Захлебываясь, перебивая друг друга, Ромка и Юрик рассказали о своем путешествии.

— А мы пещеру нашли, где наши с фашистами дрались... Там каска и патроны. Мы бы дальше — пошли, да заблудиться можно...

Ромка улучил момент, когда умолк Юрик, и сказал:

— Пап, мы как следопыты, верно? Как разведчики!

Отец Ромки весело засмеялся.

— Ах ты разведчик курносый, — прижал он к себе Ромку. — Небось, дома с ног сбились, разыскивают. Идемте, мы как раз бурение закончили, домой поедем.

Они выбрались из оврага и направились к грузовой машине.

Папа, — сказал убитым — голосом — Ромка, — а я... компас испортил. — Уронил, — и — он врать начал. — Ромка вытащил компас и положил его перед собой.

— Смотри! На север в другую сторону показывает.

Отец наморщил лоб, посмотрел на компас, на Ромку и помрачневшего Юрика и опять расхохотался.

— Чудак! Так оно и должно быть. Ведь здесь, у нас под ногами, колоссальные залежи руды. Курская магнитная аномалия! Слыхали? Здесь все компасы врать начинают.

Юрик изумился. Вот те на! Искали нефть, а оказывается, вместо нее под ногами полно железа... Да это же здорово!.. Глядишь — добывать начнут. Тогда здесь и завод будет, и целый город построят!.. Юрик даже подскочил от восхищения. Ромка, и тот не удержался, глядя на Юрика, тоже завертелся волчком.

А вечером, когда они сошлись у дома Юрика, Ромка с гордостью сказал белоголовому Ленчику:

— Не хнычь! Мы два открытия сделали: руду нашли и пещеру сержанта Потапова. Держи патрончик!

КЛАДОИСКАТЕЛИ

За Алексеевкой, сразу после золотого обреза ржаного поля, начинается лес. Высокие деревья подпирают здесь небо и обнимают друг друга узловатыми лапами-сучьями. В лесу тихо, сумрачно, пахнет смолой и грибами. Редкая узколистая трава остра, как бритва — ноги Ромки и Юрика исполосованы порезами. Зато на лужайках — ливень солнца, яркие пятна пахучих цветов и жужжание пчел. Выйдешь на такую полянку — и уходить не хочется...

Здесь же позванивает Берестянка — медленная, зеленая, покрытая золотыми

маковками кувшинок, на круглых листьях которых нежатся пучеглазые лягушки. Ква-ква-ква, — изредка поддразнивают они ребят, — ква-ква, зачем пришли? Уходите...

Юрик отлично — понимает лягушек, злится, но терпеливо идет вслед за Ромкой. На обратном пути он покажет этому лягушину царству!.. А сейчас некогда. Впереди — важное дело. Какое?.. Тс-с, не все сразу!

На днях Ромка услышал от Федотыча — сторожа колхозной пасеки — необычайную историю и прибежал к Юрику.

— Готовься к походу, — заговорщически сказал он. — Доставай лопату. Две! И никому ни слова!.. Дело секретное, понял? — Нагнувшись к уху Юрика, он зашептал, хотя в этот момент поблизости была лишь одна квохтунья-наседка, разгребавшая пыль:

— Ты знаешь, что Федотыч партизаном был? Так вот, он рассказал, как в девятьсот сорок третьем году фашисты наш отряд окружили. Партизаны все боеприпасы израсходовали, едва отбились, а казну свою оставили, спрятали в лесу.

— Казну?.. А что это? Казан я знаю: это такой большой чугуун...

— Фу ты! Не казан, казна! Деньги, ценности, понимаешь? Партизаны зарыли их в бору. А кто зарывал, те погибли. Так они и до сих пор лежат в земле. Понял?.. Вот бы найти, да в Госбанк сдать!..

Юрик утвердительно кивнул.

— А откуда о ней Федотычу известно?

— От комиссара! Раненый комиссар отряда сказал, когда его Федотыч укрывал от карателей...

После этого разговора и очутились Ромка и Юрик в лесу с лопатами в руках.

...На повороте узкой тропки Ромка остановился.

— Кажется, пришли... Видишь — остатки землянок?

Юрик оперся на лопату и осмотрелся. Действительно, впереди виднелись холмики и ямы, поросшие травой и колючим кустарником.

Ребята продрались сквозь заросли и присели на одном из бугров. Ромка толкнул приятеля в бок и сказал:

— Гляди, это от пуль!

Нижняя часть ствола ближней березы оказалась сплошь в метках-пробоинах. И на других деревьях виднелись старые отметки пуль.

— Вот здесь они дрались, понял? Давай копать! — Ромка возбужденно вскочил, но Юрик присвистнул.

— А ты знаешь, где копать? Так можно весь лес перекопать и ничего не найти. Я в прошлом году на своем дворе два патрона зарыл, чтоб мамка не ругала. Специально место запомнил, а до сих пор никак не отыщу.

Ромка блеснул глазами.

— Мне Федотыч подсказал. Ищи, говорит, стаую сосну с двумя стволами. Там и казна должна быть. А сосна-то вот она!

И впрямь, метрах в пятнадцати от ребят Уходили в небо два медно-красных ствола. Прошла минута — и работа закипела. Лопаты заходили в руках кладоискателей. Ребята рыли до тех пор, пока рубашки не промокли от пота.

— Наверно, не здесь. Давай правее возьмем, — утирая мокрое лицо, сказал Ромка и принялся копать новую яму. Юрик молча кивнул и налег на лопату. Вскоре вместо ямы получился целый ров, но тщетно — казны не было.

— Фу, жарница!.. Отдохнем, что ли! — Юрик бросил лопату и посмотрел на ладони. Они были в тугих волдырях.

— Без рук останемся. Гляди, набил ладони...

Ромка с минуту поковырялся в яме и со вздохом бросил лопату. И у него саднили руки.

— Если бы не корни — легче было б... Они как железные, — сокрушенно проговорил Ромка.

Ребята пригорюнились. И вдруг в стороне затрещали ветки. Ребята настороженно подняли головы.

Из чащи кустов вышла девочка. В правой руке она держала лукошко, наполненное спелыми ягодами черники. Светлые волосы облачком вились вокруг розового лица с озорно вздернутым носиком. Девочка прищурила синие глаза и

остановилась.

— Наташка! — в один голос сказали ребята и уставились на девочку — племянницу Федотыча.

— Чего-то вы здесь делаете? — спросила Наташа. — Ой, ямы-то какие! Сосну что ли хотите повалить?

А твое — какое — дело? — Юрик — нахмурился.

— Ой, потешные вы! Наша свинья так носом роет... — Наташа расхохоталась. — Лучше бы школьный огород покопали. Юрик разозлился.

— Катись-ка отсюда, слышишь?.. А то!..

Наташа, посмеиваясь, безбоязненно приблизилась и села рядом. Добродушно протягивая ребятам лукошко, сказала:

— Ешьте, вкусные — страсть!..

Кто бы мог устоять от искушения? К тому же у Юрика пересох от жажды рот. И вскоре две смуглые руки начали черпать горстями прохладные лесные ягоды. А затем, неизвестно почему проникшийся доверием, Ромка открыл синеглазой тайну.

— Здорово!.. — Только и нашлась что сказать Наташа. — Тогда копайте. Чего ж вы сидите? — И Наташа ухватилась за лопату.

— Дай! Я сам! — Упрямо сказал Юрик и прыгнул в яму.

Они копали еще минут десять. Широкий ров опоясал сосну, но казна не находилась.

— Дайте я копну! — не утерпела Наташа. — Надо поближе к сосне попробовать, — и взяла лопату у Ромки.

Ребята растянулись на траве. Они утомились настолько, что уже не испытывали прежнего желания продолжать поиски.

— Ой!.. Что это?

Друзья мгновенно вскочили.

В руках Наташи поблескивала бутылка, плотно заткнутая пробкой. Внутри, за темным стеклом, виднелась сложенная бумажка.

— Давай! Мне! — Отгалкивая друг друга, ребята протянули руки к бутылке. Ею завладел Ромка. Оглядев бутылку, он радостно сказал:

— В бутылке записка, факт!.. Ее партизаны, наверно, — оставили. — А — ну, — отойдите! И, размахнувшись, Ромка — трахнул — бутылку о ствол.

— Точно, записка! — Ромка развернул выпавшую бумажку. — Слушайте, августа пятнадцатого... Сорок третьего... здесь неразборчиво. Ага, вот: отряд имени Сто... нет, ста... не понятно, принял бой с про... с превосходящими, ага, силами фашистов. Дудучи... нет, будучи окруженным и имея болт... большой запас ценностей и ор... не пойму слово, а дальше вот что: все это будет зарыто в районе Вороньего камня. Смерть немецким оккупантам! Кам... Нет, комотряда Фо, фи. В общем, подпись неразборчива. Вот... — Ромка поднял голову. — Ясно? Казны здесь нет. Ошибся Федотыч. Она у Вороньего камня, у Лесной заимки, где школьный огород. Там и надо искать! Айда, ребята!..

И, подхватив лопаты, взволнованные находкой, чувствуя себя на верном пути, Ромка, Юрик и Наташа бросились к тропке, которая вела к заимке. Заимка, прежде находившаяся в гуще березняка, после вырубки леса стояла на опушке. Здесь теперь было опытное поле школы, где учились Юрик и Наташа. Бревенчатый домик заимки служил весной и осенью классом для занятий, а в остальное время в нем жила сторожиха тетя Нюша.

Не сразу добрались ребята до места. Квакушки вновь провожали искателей кваканьем.

К опушке ребята подошли не торопясь и внимательно осмотрелись. — Вот бревенчатый домик, справа — делянки ржи, частокол кукурузы. — А слева — Вороний камень — черный, невесть откуда взявшийся, до половины вросший в землю.

— Мда... — задумчиво протянул Юрик. — Здесь к будущей весне должна быть разбита школьная бахча. Нам учитель говорил. Мы весной не успели этого сделать... Где же копать будем, а?

Ромка тоже задумался. У самого камня простиралась небольшая площадка, место будущей бахчи. Но небольшой она казалась издали. С какой же стороны начать поиски?

— Ром, давай ребят созовем, они помогут. Нам не управиться одним, — вдруг подала голос Наташа.

Ромка и Юрик фыркнули.

— Мы искали-искали, а теперь пожалуйста, кто хочет, на готовое! Чужими руками жар загребать! — сказал Юрик. А взглянув на саднящие руки, поморщился. Может быть, и впрямь позвать ребят? Разве двоим управиться? Лопнут волдыри — ничего не сделаешь...

Видимо, о том же подумал и Ромка. Тряхнув головой, он сказал:

— Позвать можно... Только ребят, которые понадежней.

Правильно! — захлопала в ладоши Наташа. — Сначала со всех клятву возьмем, чтобы ни слова никому!

Ранним утром — следующего дня, — десятка полтора вихрастых ребят группами прокрадывались к Вороньему камню. Посверкивали на солнышке острия лопат, но еще ярче горели глаза кладоискателей.

Тетя Ньюша вышла на крыльцо, зевнула и, из-под ладони посмотрев на ребячий отряд, задала корму курам и вновь вошла в дом.

— Ну, живо по местам! — скомандовал Ромка. — Ты, Юрик, со своей бригадой начинай слева, а я с остальными справа. Весь участок обыщем. Пошли!

Наташа почему-то не явилась, и Юрик остался этим доволен.

«Очень хорошо, что не пришла, — думал он, орудуя лопатой. — Только бы мешалась здесь».

Копать оказалось нелегко. За час участок был поднят лопатами лишь наполовину. Тетя Ньюша дважды выходила из дому. На третий раз она принесла взмокшим ребятам ведро колодезной воды.

— Попейте, ребятки, чай притомились. Доброе дело делаете. Да не спешите, не уйдет от вас бахча-то... Эй ты, Рыжик! Зачем глубоко берешь? Лишняя работа, а для овощей от того проку мало... — Тетя Ньюша покачала головой и ушла пропалывать грядки.

Юрик выпил кружку холодной воды и, переводя дух, перемигнулся с Ромкой. Ничего-то не поняла тетя Ньюша!..

Еще через час весь участок был перекопан. И вот он, Вороний камень. Только здесь должна быть партизанская казна — искать ее более негде. Перевернув лопатой первый ком земли, Юрик увидел Наташу, шедшую в сопровождении Федотыча. В этот момент под лопатой что-то звякнуло. Ребята бросились на колени.

Бутылка!

— С запиской! — почти одновременно воскликнули Ромка и Юрик. — Опять! Юрик торопливо вытряс свернутую бумажку. Морща лоб, отталкивая локтем нетерпеливых ребят, он зашевелил губами и вдруг ошарашенным взглядом уставился на Ромку.

— Ну что? Дай! — Ромка выхватил бумажку и громко начал читать: «Большое вам спасибо, ребятки, за то, что взялись за дело, вскопали школьную бахчу. А насчет казны — дело пустое, давно ее нет, не ищите напрасно, Федотыч».

Голос у Ромки дрогнул, и он умолк. Ребята разочарованно вздохнули. Все сразу почувствовали, как печет солнце и саднят ладони. Вот так подшутили над ними!

— Эй, ребятки! Что-то — вы — такие — скучные? — засмеялась — подошедшая — Наташа. — Или не рады тому, что сделали?

Юрик сжал кулаки.

— Это ты нарочно все подстроила, да?

— Ну я. А что?..

Вне себя от негодования, Юрик шагнул к смеющейся девчонке.

— Знаешь, что за такое бывает?

— Погоди, огонек! — К ребятам — приблизился Федотыч. Он добродушно усмехался и двигал сивыми прокуренными — усами. — Тихонько, хлопцы. Вы уж извините старика за придумку. Вижу — ходите без дела по селу.

Вот я и придумал шутку насчет казны. Наташа мне в этом помогала — записки писала да бутылки прятала. А вы никак на нее разобиделись?

Разочарованный Ромка поник головой.

— Выходит, я обманщик, Федотыч. Ребят обманул, слово взял...

Федотыч опять усмехнулся.

— Чудаки! Да про казну никто не узнает. Уж коли слово дали — надо его держать. А мы с Наташей всем так и скажем: решили ребята школе помочь, вот и вскопали до срока бахчу. Хорошее дело сделали. А насчет партизанской казны — действительно, была она. Только я ее в сорок третьем же году Госбанку передал, после освобождения села от фашистов... Так что если винить — вините меня!..

Да, теперь все стало ясно. И, вскинув лопаты на плечи, ребята гурьбой отправились к Берестянке — купаться. И странное дело — спины перестали болеть, да и руки не так саднило. Впрочем, давно известно: доброе дело — не в тягость.

РАКЕТЧИКИ

Он стоял на стартовой площадке. Его узкий, сигарообразный корпус сверкал в лучах раннего солнца. Уже оркестр сыграл гимн Астролетчиков, провожающие ушли в бетонированные укрытия, а экипаж наглухо задрал входные люки. Еще минута — и вспыхнут сигнальные лампочки на центральном пульте управления, взревет, выбрасывая снопы пламени, — дюзы, и звездолет оторвется от Земли, направляясь к Неведомым мирам...

— Внимание!..

Голос главного диспетчера космодрома усиленный мощными репродукторами, прокатился над безлюдной долиной.

— Включить двигатели!..

Грохот потряс воздух, и звездолет окутался облаком белого дыма. Блеснули языки огня, сверкающий корпус корабля дрогнул и, словно нехотя, начал подниматься. Еще мгновение, еще оглушительный удар — и он взметнулся в небо...

Вот звездолет блеснул далеко вверху и — растаял. Только запоздавший свист докатился вниз к торжествующим людям.

Корабль ушел в Космос, унося на своем борту отважных путешественников — Юрика, Ромку и Наташу.

Хотите заглянуть в командную рубку звездолета?.. Пожалуйста. В ней сумрачно и прохладно. За низеньким столом, на котором мерцают разноцветные лампочки потрескивающего аппарата, сидит командир корабля — Ромка. Он напряженно вслушивается в шорохи и свист, приносимые радио из глубин Галактики.

— Увеличить скорость! — командует Ромка, и голос Юрика, словно эхо, отвечает:

— Есть увеличить скорость!..

Юрик сидит поодаль, его руки лежат на штурвале.

— Штурман, что показывает локатор слева по борту? — обращается командир звездолета к Наташе.

Слева по борту вижу... — Пеструху! Она на огород идет! Всю капусту потопчет!..

— Что?! Какую — капусту? — Что ты городишь? — Ромка фыркает и подскакивает к Наташе. — Дай взгляну!

Он принакает к узкой трубе и смотрит на светлый прямоугольник зеркала.

— Ну вас совсем!.. Пойду телку прогоню! — Наташа бежит к выходу.

— Стой! Там радиация! Смертельно!.. Надень скафандр! — Ромка пытается натянуть на голову Наташи старую маску противогаза, но взбунтовавшийся штурман отмахивается и выбегает из «рубки» — сумрачной старой землянки.

— Я тебе говорил, что с девчонками не только в космос не улетишь, но еще и дураком станешь... А еще штурманом ее назначил! — Юрик с досадой крутнул штурвал — старое велосипедное колесо.

— Без паники!.. И нечего бросать штурвал, товарищ пилот. Корабль входит в сферу притяжения неизвестной планеты. Включить систему торможения! — Ромка еще пытается командовать, но Юрик выбегает из землянки, оставляя в одиночестве своего командира.

Наверху ярко светит солнце, и Юрику приходится щуриться. Приложив ко лбу ладонь, он смотрит из-под нее — на — Наташу, которая длинной хворостиной гонит прочь шкодливую телку.

Через минуту к Юрику присоединяется мрачный Ромка. Ребята недовольно молчат.

Вечно эта Наташка — что-нибудь да испортит.

Такая интересная игра была. Никакой фантазии у Наташки нет.

Возвратившаяся Наташа лукаво посмотрела на ребят и с улыбкой сказала:

— А вы-то придумали — в — подземелье сидеть. Как кроты. Очень интересно, как же!.. А за капусту меня взгреют так, что держись!.. Не хочу я летать в подземных кораблях!

Ну что с нее взять? Честно говоря, Юрику тоже прискучило в такой ясный день сидеть в полутьме, хотя бы даже с переносным радиоприемником и перископом, сделанным Ромкой. Уж лучше побултыхаться в Берестянке.

Командир, лишившийся экипажа, сдался.

— Ладно, забирайте оборудование. Не одному же мне все тащить?

Вскоре походный радиоприемник, перископ и велосипедное колесо с парой резиновых масок вновь перекочевали на квартиру Ромки. Игра кончилась.

А день — он, по существу, только начался. Чем же теперь заниматься? Идти пескарей ловить?

— Давайте змея запустим. Нитки у меня есть, целые две катушки, — подумав, предлагает приятелям Юрик, но Ромка досадливо морщит лицо.

— Для змея ветер нужен, а где он? — И вдруг Ромку осеняет идея.

— Давай ракету запустим! Настоящую, а?

Это интересно. Даже Наташа перестает заплетать косички и внимательно слушает Ромку.

— Сконструируем сами, это раз плюнуть, — горячится Ромка. — А горючее для двигателя купим. У тебя гривенник найдется? — обращается он к Юрику.

— Зачем?

Чудак! Десять коробок спичек купим, головки с серой поотрежем, чем не горючее?.. Ещё бы пленки достать, знаешь, как горит!

— У меня пленка — есть. От — старых — диафильмов! — Наташа обрадованно хлопает себя по голой коленке. — Пройдет?

— Конечно! Тащи её сюда! — Ромка вскакивает с места и бежит к сараю. Через минуту он возвращается с отрезком тонкостенной медной трубки.

— Вот корпус для ракеты! С одного конца из жести остряк сделаем. А на другом поставим оперение. Вот и вся конструкция, поняли? Пошли делать, Юрик. А ты не сиди, тащи быстрее пленку!..

Наташа отправилась домой, а ребята к сараю. Здесь они отыскали несколько консервных банок и вооружились нехитрым инструментом. Ножницами вырезали рули управления и прикрутили их проволокой к трубке. Однако с носовой частью у них ничего не получилось. Хозяйка Ромкиной квартиры — старая Сидоровна — отняла у ребят ножницы и выгнала конструкторов из сарая.

— Целый день шлындают, шлындают, да еще вещи портить начинают. Ужо я вам задам, босоногие!.. Лучше за хатой присмотрите, я пойду постираю...

Вообще, Сидоровна была довольно-таки вредной старушкой. Невзлюбила она Юрика — и все тут. Дескать, городскому парнишке покою не дает, ему отдыхать надо, сил набираться, а этот рыжий с панталыку его сбивает, голову морочит, за собой таскает... Так не удалась затея, если бы не Юрик. Отбежав за сарай, он подождал Ромку и зашептал:

— Видел лейку на бидоне? Тащи ее сюда. Она как раз подойдет.

Ромка заколебался.

— Понимаешь, чужая. Узнает Сидоровна тогда как?

— Эх ты! Я гривенник не жалею, а ты старую лейку пожалел... Мы бы носик ей зажали плоскогубцами и — порядок!..

Ромка вздохнул, помялся, но вскоре лейка заняла свое место на корпусе ракеты. Затем Ромка принес алюминиевой краски и собственноручно покрыл ею корпус будущего космического разведчика. Ракета получилась почти как настоящая. Когда же Юрик намалевал на боку трубки алую звездочку, приятели залюбовались своей работой. Даже Наташа, которая принесла пленку и спички, с уважением посматривала на Ромку.

Теперь предстояло зарядить ракету. Под перочинным ножом захрустели спички. Отрезанные головки Юрик ссыпал в бумажный кулек, плотно закрыл его и сказал:

— Заряжать будем на берегу. А то как вспыхнет на дворе, тогда нас самих на Луну отправят.

И вот она, Берестянка... Спрятавшись в кустах, ребята быстро начинили трубку головками. Пленку решили не резать, ее просто скрутили и, оставив кончик

снаружи, забили донное отверстие паклей.

— Где будем устанавливать?

— Да здесь же! Вот сюда три кольшка забьем, а между ними ракету поставим. — Ромка срезал прямые палочки и воткнул их поглубже в землю. Ракету поставили между палочками вниз хвостовым оперением. Установка была готова.

— Кому запускать? — Юрик посмотрел на важничавшего Ромку и молчаливую Наташу, Ромка неопределенно хмыкнул и пожал плечами.

— Как тебе сказать. Я должен — подавать команду... А ты подождешь... А Наташа пусть за камень спрячется... Все-таки опасно...

Юрик затеребил рыжий чубчик и присвистнул.

— А если она трахнет и разлетится на куски?.. Руки поотрывает, тогда что?

Ромка подумал и с опаской отодвинулся от поблескивающей ракеты.

— Давайте я! — Наташа решительно подошла к Юрику и протянула руку за спичками. Синие глаза ее еще больше посинели, а на лице была написана непреклонная решимость.

— Ты спятила? — Юрик изумленно вскинул брови. — Разве ты можешь? Она как полыхнет — деваться некуда будет!

— Дай спички!

Только теперь ребята поняли, каков характер Наташи. Им вдруг стало неловко. У Юрика почему-то покраснели уши, и он решительно сказал:

— Ладно, без тебя управимся... Ромка, командуй!

А Ромка только этого и ждал. Он надул щеки и затрубил марш летчиков. Затем сложил рупором руки и протяжно сказал:

— Внимание! Внимание!.. — Прошу — очистить космодром от лишних лиц! — И, махнув Наташе он отбежал вслед за ней к камню. — Дается старт межпланетному кораблю, первому звездолету — Земли, который направляется на Венеру! Внимание!.. Включить зажигание!.. — Последние слова Ромка выкрикнул из-за камня.

Юрик вынул спички, посмотрел на небо по сторонам, погрозил кулаком высунувшейся Наташе и глубоко вздохнул. Рисковать, так рисковать. Первые космонавты тоже ведь рисковали. Была не была!

Он чиркнул спичкой, нагнулся и поднес к пакле огонек. Вслед за этим ноги понесли его с невероятной быстротой в сторону камня, из-за которого торчали две взлохмаченные — головы.

— Затыкай уши!

Три пары рук одновременно выполнили команду. Глаза впелись в остроносый цилиндр, из-под которого кудряшками вился дымок. Он становился все гуще и гуще, запахло горелой тряпкой. Затем что-то зашипело и вновь стихло. Ракета оставалась неподвижной.

— Что-то случилось, Ромка! Погасла, что ли? Надо глянуть!

— Постой!.. Дымит, видишь? Огонь еще к пленке не подошел... Смотри, смотри, начинает!..

Из-под ракеты показался язычок пламени. Потом он исчез, и густой дым окутал ракетную установку. И в этот момент раздался Наташин испуганный возглас:

— Ой! Сидоровна идет!.. Прямо к ракете!.. Сидоровна с тазом — белья в руках вышла из-за камыша и, увидев клубы дыма, остановилась.

— Батюшки!.. Никак костер кто-то запалил... Ах, разбойники! Ушли и не загасили. — Сидоровна, качая головой, направилась к ракете. И в этот момент сердце Юрика не вы этот момент сердце Юрика не вы этот момент сердце Юрика не выдержало:

— Назад! Взорвется! Назад! — завопил он. — Не подходи!..

Сидоровна ехидно посмотрела на Юрика ожесточенно погрозила пальцем.

— А, это ты опять натворил, рыжий!..

И вот тогда-то ракета и трахнула. Целый сноп искр ударил по земле. Что-то ухнуло и пролетело над камнем, — обдав жаром лишившихся дара речи космонавтов, и плюхнулось в речку, разметав по сторонам брызги.

Ахнув, уронив таз, перепуганная Сидоровна повалилась на землю...

Когда ребята подбежали к ней, Сидоровна стояла на коленях, держась рукой за сердце, но увидев Юрика, ока поднялась на ноги, схватила его за ухо и закричала:

— Ах шкодник! Я тебе покажу, как бомбы рвать! Вот тебе, вот...

Юрик стойчески выдержал наказание. Только лицо его покраснело. Ну, что взять с глупой старухи? Разве она поймет?..

Ромка пытался было заступиться за друга, но благоразумие заставило его держаться в отдалении и он вздыхал, готовый дать стрекача вслед за Наташей.

Под конвоем разгневанной Сидоровны Юрик был доставлен домой. Ну, а что дальше — не стоит рассказывать. Наука и искусство требуют жертв. А космос — тем более. Так сказал Ромка.

ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

Солнце опустилось к синим зубцам соснового бора, когда Юрик и Наташа подошли к новому клубному зданию.

Здесь терпко пахло смолой. Кудрявые стружки - завитушки, щедро рассыпанные по земле, издали казались горой свежесыпанных бубликов. Словно нес-нес их пекарь, да и обронил, споткнувшись.

Новый сруб поблескивал свежестесанными стенами. Гладкие, отполированные перила на крыльце, ясные, отсвечивание стекла широко прорубленных окон так и манили — дескать, зайдите, взгляните, ребята, новый клуб...

Наташа и Юрик долго любовались постройкой. Особо восхищал Юрика резной петух над крыльцом. Петух гордо поднял свою деревянную голову и, казалось, вот-вот закричит на всю деревню: ку-ка-ре-ку!..

— Теперь хватит места на всех, — налюбовавшись, довольным тоном сказал Юрик. — Видишь, какой домище поставили!..

— И для танцевального — кружка — место найдется, — кивнула Наташа и закружилась, широко раскинув руки.

Юрик прыснул.

— Тоже балерина!..

— Не понимаешь, а говоришь!.. — Наташа обидчиво поджала губы. — Все со своим модельным кружком носишься. А что вы в нем за всю зиму сделали? Самолет, который не летает. Ничего дельного не придумали. Хотя бы табуретку смастерили для школы.

— Эх, ты!.. У нас же моторчиков не было! А теперь будут. Посмотришь, полетит самолет или нет!.. Ногами-то выделывать нехитро, а ты руками попробуй, да помозгуй, что и как! Надо мастером быть, понятно?..

Ух ты, мастер-ломастер нашелся! — смеялась Наташа. — Юрик-мастер! А? Ой, держите меня, а то помру! — И благоразумно отбежав подальше, спросила: — А ты ракету не забыл? Тоже ведь твоё изобретение!

Да, это был уже не камешек, а настоящий булыжник, запущенный в Юрика. Оскорбленный и уязвленный напоминанием о неудаче с запуском ракеты, Юрик с воинственным кличем бросился к озорно посмеивающейся девчонке.

— Но, но, парень!.. Не балуй!.. — Чья-то крепкая, пахнущая краской, рука опустилась на Юриково плечо.

Юрик вскинул глаза. Рядом стоял Кондратий — бригадир колхозной строительной бригады. Был он в черном фартуке и держал в правой руке ведро с малярными кистями. Отпустив Юрика, Кондратий поставил ведро и усмехнулся.

— Принимай, брат, критику как положено. Коли ты мастер — докажи делом, а не кулаками. На это, замечу я тебе, мастерства не требуется. А кстати, и дело есть: бери ведро, да вымой кисти. Понял?.. Завтра с утра будем полы красить. Да и тебе, попрыгунья, имею поручение: видишь возле стены банки с краской? Давай-ка, заноси в клуб!..

Так Кондратий разрешил конфликт. Наташа побежала к банкам, а Юрик принялся за мытье кистей в керосине. Дело оказалось — нетрудным — от керосина — краска — сходила без остатка.

Насухо обтерев кисти ветошью, Юрик внес их в клуб, где, посвистывая, ходил Кондратий.

— Все в порядке, дядя Кондратий! — Юрий потряс кистями.

— Вижу!.. Ну, что ж, дело мастера боится. Однако это еще полдела, — Кондратий потрепал Юрика по плечу. — Завтра приходи с утра. Будешь малярам помогать. А сейчас пора, ребяташки, по домам!

Наташа и Юрик вышли вслед за бригадиром, но домой идти и не подумали. Они уселись на штабель теса, словно до того между ними никакой размолвки и не было.

Где ж Ромка? — спросил Юрик. — Куда он запропастился?

— Придет. Сказал, значит, придет.

Однако Ромка не являлся. Ребята посидели еще с четверть часа им стало скучно. Наташа не выдержала первая.

— Я пойду за Ромкой. Ладно?.. А ты жди. Я скоро!.. — И, семеня босыми ногами, убежала.

Оставшись в одиночестве, Юрик еще раз обошел здание и задумался. Новая мысль пришла ему в голову. Вот, если он сделает задуманное, а?.. Здесь попрактикуется, а потом дома полы покрасит, мамке пособит. А главное — малярам поможет. Дядя Кондратий наверняка спасибо скажет!..

Не мешкая, Юрик взбежал по ступенькам в клуб.

Где кисти? Ага, вот они. А краска? Тоже здесь. Как раз крышка одной банки неплотно прикрыта. Наверно, дядя Кондратий краску пробовал...

Схватив банку и кисти, Юрик прошел в боковую комнатку. Косые солнечные лучи падали на широкие белые доски пола и от этого они казались покрытыми позолотой. Юрик засучил рукава, осторожно опустил кисть в банку и сделал первый мазок.

— Эх, красотища!..

Поглядывая через дверь в зал, он старательно заработал кистью. Туда-сюда, туда-сюда металась тяжелая кисть по полу, покрывая Доски ровной красно-коричневой краской.

Сначала все шло хорошо. Юрик даже вспотел от усердия, делая широкие мазки. Однако через несколько минут он остановился. Кисть перестала красить. После себя она уже оставляла узкую неровную полоску. Что такое? Краска загустела?.. Юрик посмотрел и ахнул:

— Вот так номер.

Вместо плотного пучка щетины на конце кисти торчали какие-то огрызки. Внимательнее приглядевшись к уже покрашенным местам, Юрик увидел на полу тонкие волоски.

— Дрянная кисточка попалась, не иначе! Недолго думая, Юрик — схватил большую малярную кисть, стоявшую у стены. Кажется, эта подойдет: и шире, и волос мягче, и красить можно не сгибаясь. Теперь самое главное — поправить места, где прилипли щетинки, вылезшие из кисти. «Придется соскребать волосы», — подумал Юрик и, оставив кисть, начал действовать руками.

Через несколько минут можно было подумать, что на полу дрались кошки — окрашенные доски были исцарапаны и, несмотря на старания Юрика, усеяны прилипшими щетинками. Весь перепачканный краской, Юрик горестно смотрел на свою работу. И, поняв, что таким образом не сможет помочь делу, со вздохом взялся за малярную кисть.

Кое-как засунув ее в банку, Юрик шагнул вперед, на покрашенное место, и опустил кисть.

— Ага, вот так!

Юрик принялся растирать пахнущую скипидаром краску. Сделав неосторожное движение, он покачнулся, шагнул вперед — чтобы удержать равновесие — и неожиданно скользнув босой ногой по краске, плашмя растянулся на полу...

И как раз в этот момент за окнами послышались голоса Наташи и Ромки.

Юрик поднялся с пола, посмотрел на обезображенный, заляпанный пол и...

Такого Ромка и Натцша еще не слышали. Когда в клубе раздалось чье-то бормотание и всхлипы, они с удивлением посмотрели друг на друга.

— Кто это?

— погоди!.. Это же... Юриков голос!.. Слышишь?.. — Ромка озадаченно почесал стриженный затылок.

А Юрик, сидя на полу, едва сдерживал слезы, — поносил — себя — обидными — словами.

— А-а... Мастер-ломастер паршивый... У-у... Все испортил... — Юрик ожесточенно хлопал себя по коленкам.

Услышав свое имя, он отвернулся от друзей и лег ничком на недокрашенный пол.

— Уйдите... Уйдите все!.. — Сквозь слезы забормотал Юрик, размазывая по лицу краску вместе со слезами. — Никуда я не пойду...

Ребята подошли к двери, взглянули — и расхохотались, увидя, разрисованного, похожего на пятнистого леопарда, Юрика. Однако затем озадаченно умолкли. Что делать?.. Войти к Юрику они не могли: Юрик покрасил пол от самой двери, и перепрыгнуть через широкую полосу липкой краски было невозможно.

Напрасно Ромка пытался утешить друга — тот утрюмо молчал, отвернувшись в угол. И тогда Наташа сказала:

— Как же ты отмоешься, а?.. Эту краску и кипяток не возьмет!.. Ух, и задаст тебе мать!..

Юрик тихо захлюпал носом. Ромка пожал плечами.

— Ну, хватит тебе!.. Ты не слушай ее, моешься. Бидон керосина — и станешь — чистым. Только вонять сильно будет!..

От такого утешения Юрик даже затрясся и снова замычал невразумительное.

— Вот что, Наташа: иди за дядей Кондратием, — сказал Ромка. — Пусть достает Юрку. Бегом, а я здесь подожду...

Так и вынес Юрика на улицу Кондратий. Опустив его на траву, он только покачал головой и отвернулся — смех давил бригадира. А Наташа и Ромка — те поминутно прыскали в кулак.

— Так... Хорош!.. Ну и красив ты, парень!.. — успокоившись, сказал, наконец, Кондратий. — Карикатура форменная!.. Ты скажи, зачем, не спросясь, взялся не за свое дело?..

Юрик стоял потупившись и молча снимал рубашку. Ну, что он мог ответить бригадиру?.. Ведь все равно не поверит!.. Эх, жизнь!..

И только, когда мать с помощью Ромки начала отмывать маляра в корыте, успокоился.

— Ладно... — сказал он, жмурясь от щиплющей глаза мыльной пены. — Теперь-то я научусь, как надо пол красить... Завтра с утра пойду в клуб, меня дядя Кондратий сам позвал. Научусь у мастеров — и у себя дома пол покрашу.

НА РЕКЕ

Ромка сидел под курчавой ракистой и смотрел на гладь Берестян-ки, отливающую голубизной и перламутром. От зеленой шапки ракиты падала тень, пронизанная солнечными лучиками, и поэтому казалось, что на поверхности воды трепетали золотые рыбки.

То там, то здесь по реке пробегала рябь. Изредка плескали играющие лещи и тогда — во — все стороны расходились серебряные кольца. От них медленно покачивались желтые бутоны кувшинок и мохнатые зеленые бороды водорослей.

Юрик в одних трусиках сидел в старой плоскодонке, свесив босые ноги в воду. Приложив козырьком руку к бровям, он посматривал на противоположный берег. Там, покачиваясь с урчаньем двигались по ржаному полю комбайны. Издали они казались игрушечными, похожими на Ромкины самоделки.

Жарко. Даже у реки не чувствуется прохлады. Каково же там, где комбайны? Недаром целых два бидона ключевой воды опорожнили комбайнеры. Третий бидон вот-вот подвезут к берегу, и тогда Юрик и Ромка будут переправлять его на тот берег.

Юрик покосился на задумавшегося друга. Тот с сумрачным видом почесывал голые икры и отмахивался от надоедливых мух.

— Эй!.. — Брызги теплой воды окатили Ромку. — О чем задумался?.. — Юрик бултыхнул ногами и выбрался на берег.

— Знаешь что, — помедлив, сказал Ромка, — все-таки мы поздновато родились. Вот мне скоро будет тринадцать лет. Во время войны такие, как я, уже воевали... Помнишь книжку «Сын полка»? Я бы тоже мог разведчиком быть! Не то, что теперь — сиди и придумывай разные приключения. И выдумать-то нечего. Ведь деревня — деревня и есть... — Ромка безнадежно махнул рукой. — Еще бы в Сибири жить — это да! Как Генка Пыжов, первый житель Братска. Читал? Прочти, здорово интересно!

— А я видел.

— Чего?

— Не чего, а кого. Генку видел. — Ври!

— Эх ты!.. В клубе видел, по телевизору для детей показывали, понял? — А, так бы и сказал... Ну, и как?

— Так себе. — Юрик недовольно хмыкнул. — Вот кино «Любой ценой» — это да!

Знаешь, как двое пацанов секретные сведения через фронт к нашим несли. Вот, действительно, подвиг совершили.

— Ага! А я что говорил?! Это ведь когда было, знаешь? — Ромка торжествовал. — А теперь? Вот сидим и ждем, когда воду привезут. Тоже героическое дело...

Юрик промолчал. Ну что тут скажешь? Водовозы они и больше ничего. А что поделаешь? Бригадир комбайнеров Семен Евсеич специально назначил Юрика. Так и сказал: «На Юрку я надеюсь. Он обеспечит». Вот и обеспечивай, жарься, потей и вздыхай...

За пышными зарослями прибрежных ив послышался скрип колес. Ромка встал.

— Едет! Подгоняй лодку ближе.

Из-за кустов показался серый мерин, впряженный в телегу. На подстилке из сена в телеге восседала Наташа. Она крепко держала вожжи и чмокала губами. За ее спиной поблескивал алюминиевый бидон из-под молока.

— Тпру!.. Стой, вислоухий!..

Мерин недовольно махнул хвостом и остановился. Наташа спрыгнула на землю. — Снимайте бидон!

Бидон, наполненный водой, был тяжеловат и ребята пыхтели, стаскивая его с повозки. Наташа изо всех сил помогала приятелям.

— Так, хорошо!.. А теперь к лодке давайте! — командовал Ромка.

Бидон оттащили вниз и кое-как взвалили в лодку. Наташа вернулась к телеге, а Юрик, вооружившись шестом, стал на корме плоскодонки.

— Команда, по местам!.. Даю первый гудок! Убрать сходни!.. — Ромка забрался на скамейку.

— Полный вперед!

Юрик оттолкнулся шестом, и плоскодонка, покачиваясь с борта на борт, повернула нос к противоположному берегу. Весело зашлепали о дощатые борта волны, еще сильнее заколебались желтые кувшинки.

И что с того, что у ребят под ногами было не корабельное, а лодочное, давно не конопаченное днище? Забыв о недавних вздохах, ребята чувствовали себя заправскими морскими волками, плывущими в неоглядную океанскую даль. Вот он, корабль, с гордо поднятыми парусами, плывущий навстречу приключениям!..

А приключение не заставило себя ждать. На самой середине реки лодка покачнулась от неверного движения Юрика и черпнула воду левым бортом.

— Тихо там, на баке! — Ромка соскочил со скамьи. — Свистать всех наверх! Полундра! — Он бросился к правому борту, и... медленно, медленно, словно нехотя, лодка накренилась на правый борт и начала переворачиваться.

— Ой!.. — взвизгнул Ромка и ухнул в реку. Вслед за ним с криком шлепнулся выпустивший из рук шест Юрик.

А через минуту лодка уже покойно колыбалась на легонькой волне, подставив солнцу позеленевшее днище.

Бидон ушел на дно.

Загребая левой рукой, Юрик подплыл плоскодонке и оглянулся. С Ромкой происходило что-то непонятное. Он булькал, бил по воде ногами и то и дело погружался с головой.

— Неужели тонет? — подумал Юрик и похолодел. Сразу вспомнились рассказы о том, как утопающие хватают спасателей и тянут их за собой на дно. Неужто тонет?

— И впрямь! Надо спасать! — Юрик оттолкнулся от лодки и подплыл к исчезнувшему на миг Ромке. Едва его макушка показалась из воды, как Юрикова рука вцепилась в мокрые волосы.

— Ой, ой, — завопил Ромка и начал отбиваться. Не тут-то было! Юрик крепко держался за волосы и, повернувшись на спину, тянул за собой Ромку.

— Да брось ты! Больно! — захлебываясь, пытался кричать Ромка. — Утопи-шь-о-оо!

Спаситель молча тянул буйствующего приятеля. С берега прыгнула Наташа — она бросилась на выручку Юрику. Обоюдными усилиями они доставили Ромку на

мелководье и остановились отдышаться. Но едва они отпустили его, Ромка, как петух, налетел на Юрика, ткнул его в бок кулаком, и Юрик, подняв фонтан брызг, упал.

Дурак! Дураки! — неистовствовал Ромка, чуть не плача. — Я же не тонул! Я нырял за бидоном, олухи вы этакие! За что ты мне в волосы, как клещ, вцепился, а? — вновь подступил он к Юрику. — Повыдрал — смотри, пожалуйста! Теперь лысина будет!

Наташа, отойдя в сторонку, взмахнула руками и захохотала. Юрик, смущенный таким оборотом дела, молча потирал бок. Но, представив себе толстощекого Ромку с лысиной в полголовы, тоже не выдержал и усмехнулся. А Ромка умолк и округлившимися глазами посмотрел на друга. — И он еще смеется, а? Ну, раз так... — И, засопев от обиды, капитан перевернувшегося фрегата молча полез на берег. Юрик проводил его глазами и вдруг ужаснулся. А бидон? А лодка? Что теперь Евсеичу говорить? И он бросился вслед за Ромкой.

— погоди, Рома... Я не нарочно. Я же не думал. Мне показалось, что ты тонешь. Понял? Ну, я виноват, понимаешь? — Юрик чуть не плакал, сознавая, сколько бед натворил он. — Прости, Ромк, а?..

Эх, что значит — сердце настоящего друга! И какую обиду не вынесет оно ради дружбы? И Ромкино сердце тоже не было каменным. Поглаживая голову, он остановился.

— Не подлизывайся, — буркнул он более миролюбивым голосом.

— Да разве я... — Обрадованный Юрик затанцевал вокруг Ромки. — Хочешь, я тебе индийскую марку отдам, а? Ту самую, что у Наташки выменял?..

Ромка вытер нос.

— Ладно... Я не вредный. Я за волосы никого не таскаю...

Недоразумение было улажено. Через минуту ребята подобрались к плоскодонке и подогнали ее к раките. Здесь они перевернув плоскодонку и вылили воду. Юрику пришлось плыть еще раз — за шестом. А затем они уже втроем обсуждали, как извлечь утонувший бидон. Единственный способ, который предложил Ромка, — был следующий: нырять вдвоем, поднять бидон к поверхности, с тем, чтобы Наташа могла его удержать. На том и решили.

Вновь лодка отправилась к середине реки. Правда, на этот раз без гудка и команды — не до них было.

Течение почти не ощущалось, и поэтому плоскодонка недвижимо покачивалась на месте. Набрав побольше воздуха, ребята одновременно нырнули. Сначала в воде было светло, но затем наступили сумерки. Перед носом Юрика медленно проплыл колючий окунь. Он вильнул хвостом — и исчез, видимо, недовольный непрошеными гостями.

Чувствуя, как бьется в висках кровь, Юрик наугад тыкал во все стороны руками. Раз он угодил во что-то мягкое и тотчас же почувствовал, как его кто-то лягнул. Воздуха не хватило, и Юрик, оттолкнувшись ногами, пошел вверх...

— Ффу... — открыв, подобно рыбе, рот, начал отдуваться он, держась за борт лодки. — Я его не нашел!..

Забурлила вода, и из нее показалась круглая Ромкина голова с широко раскрытыми глазами. Уцепившись за лодку, Ромка несколько минут усиленно хватал ртом воз-Дух. Отдышавшись, Ромка покачал головой.

— Это ты меня кулаком двинул? Чудак!.. — Бидон-то на боку лежит. Я его ставил стоймя, а ты на — в бок! Ладно, мне не больно.

В воде не то, что на воздухе. Теперь мы его наверх потянем. Дай отдышусь как следует...

И вот они опять на дне у бидона. В воде он легкий, кажется, сам идет кверху. Но стоило ребятам оттолкнуться от дна, как этот легкий бидон, подобно якорю, увлекал их обратно. Трижды пытались водолазы извлечь его из реки — и трижды им приходилось отступать.

— Что теперь делать, а? Он, проклятуший, никак не поддается. Вот задача! — Юрик горестно вздохнул и, вспомнив Евсеича, комбайнеров, которые ждут воду, загрустил. Увы, Ромка также не мог предложить ничего другого.

— Ребята, — вдруг сказала Наташа. — Бидон-то водой налит и закрыт, правда?

— Также вопрос... Конечно! — хмуро ответил Юрик. — Воду из него не выльешь

ведь. Кругом вода.

— А если открыть крышку, перевернуть бидон вверх дном и толкать его так? Вода-то будет постепенно уходить.

— Верно!.. — перебил Наташу просиявший Ромка. — Наташа, давай вожжи! Мы обвяжем бидон и потянем кверху. Так легче из воды тащить.

Опять пришлось возвращаться к берегу. Вислоухий мерин безучастно оглядел ребят и захрумкал сочную траву. Пусть берут вожжи, какое ему дело! И вновь пошли на дно водолазы. Опутав бидон, вынырнули и, забравшись в лодку, устроились на корме.

— Давай! Тянем!

Медленно, нехотя поднимался бидон. Лодка кренилась, и Наташе пришлось перейти на нос — для равновесия. Лодка словно присела, готовясь к прыжку.

— Вот он, голубчик! Ура! Алюминиевый бок бидона заблестел на солнце. Еще несколько усилий — и он в лодке.

— Ффу, до чего жарко! — Юрик вытер лицо и засмеялся:

— А здорово, правда?

— Здорово, конечно! — Ромка тоже был счастлив. И только Наташа недовольно подняла бровки.

— Ну, ну, для вас все хорошо. А мне снова ехать к колодцу. А из-за чего? Из-за вашей глупости!

Ах, Наташа, Наташа!.. Ничего-то ты не понимаешь в мальчишках. Напрасно ты на них сердись! Видишь, какие они — вытащили бидон на берег, впрягли серого и сами вскочили в телегу.

— Н-о, Серый! — крутнул над головой вожжами Юрик. — Вперед! Рысью, марш! Н-но!..

И когда усталые, запыленные комбайнеры пили и умывались студеной родниковой водой, они не подозревали, что случилось. И вообще, никто бы этого не знал, если бы я не решил рассказать об этом маленьком приключении.

ПОИСК

Стоит в Алексеевке шершавый, из серого гранита постамент. А на нем — бюст летчика в шлемофоне. На постаменте золотится подпись: «Герой Советского Союза старший лейтенант Савелов Григорий Петрович. 1920 — 1943 г.».

Памятник поставили совсем недавно. А до этого случилось то, о чем вам может рассказать любой алексеевский мальчишка.

Впрочем, лучше всех эту историю знают Юрик и Наташа. Да еще Ромка. Вот как было дело.

Почти две недели с утра допоздна жарило землю солнце, накалило речную песчаную косу и сделало воду такой, что залезешь — и не чувствуешь прохлады.

Листва на деревьях съезжилась, стала вялой. Воздух — неподвижный. Когда же тянет ветерком, кажется, что в лицо пышет жаром раскаленной железной печи.

Ребята спасаются от зноя в тростниковом шалаше возле Берестянки. Иногда они вскакивают и бросаются в воду. Перебравшись на другой берег, смотрят в сторону Змеева болота. Там — синеватая пелена. Однажды Ромка собирался туда за ужами, да Юрик отговорил — завязнуть можно. Теперь болото почти высохло. Можно пройти его в любом направлении. Но разве отыщешь ужа при таком безводье?..

Юрик, шевеля губами, читает рассказ о Кубе. Ему непонятно, как могут выдерживать кубинцы сорокаградусную жару. Ведь круглый год у них лето. А здесь солнце печет всего две недели, а уже терпенья не хватает.

— Ромк, вот бы нам на Кубу съездить! — Юрик отрывается от журнала, но Ромка молчит — разомлел.

Юрик утирает вспотевший лоб и вдруг видит чью-то тень, упавшую на редко сплетенную стенку шалаша. Кто это может быть?..

Через минуту в шалаше показывается На ташина голова и Юрик ворчит:

— Стучаться надо! Без спросу в чужой Дом не входят.

Наташа фыркает.

— Подумаешь, дом! Куда стучаться-то? Где у вас дверь, нету? Запрятались тут, а я вас полдня ищу. Смотрите, что я нашла. — Девочка положила на раскрытый журнал пожелтевшую газету. — Сегодня мамка белить горницу хотела и вынесла на

двор разные бумаги. А я посмотрела — и вот... Читайте...

— Смерть немецким захватчикам... За победу, — прочел Юрик и удивленно поднял брови. — Гляди, фронтовая газета! Тысяча девятьсот сорок третьего года, третьего августа. Ух, сколько лет прошло!

— Да ты вот где прочти!

— Это? Ага, ладно... Так, подвиг в воздухе... — Юрик начал читать. В заметке рассказывалось о том, как советский летчик-истребитель сбил три вражеских «Мессершмитта» и, таранив четвертого, сам погиб, не успев выпрыгнуть из загоревшейся машины.

— Григорий Савелов, — произнес имя летчика Юрик. — Четверых уничтожил, а?..

— Ну-ка, дай! — Ромка забрал газету и вновь перечитал заметку. — Вот это герой!..

Тем временем Наташа с усмешкой посматривала на друзей. Будь повнимательнее, они сразу бы заметили, что ей не терпится выговориться. Впрочем, она в конце концов не выдержала.

— А знаете, где погиб летчик? — спросила Наташа и потрянула косичками. — Не знаете?.. А я знаю!..

Ребята умолкли и уставились на Наташу-

— За нашей деревней! Я мамке прочитала газету, она и вспомнила. В то время она девчонкой была, а помнит. Это было перед тем, как наши пришли... Утром ходила она по грибы и видела, как наш самолет ударился в немецкий. Только дым пошел. Немецкий сразу свалился за огородами, а наш еще немного Пролетел к Змееву болоту. Там он, наверно, и упал. Искали его, говорят, да не нашли.

— Погоди, погоди... — Ромка сел и потер переносицу пальцем. — Вот бы нам, а? — Он не договорил и взглянул на Наташу и Юрика. — Вдруг найдем?

— Все болото придется облазить, — задумчиво произнес Юрик.

— Теперь-то оно высохло, можно будет... А ты не врешь, Наташа?

— Ну вот!.. Пионерское!

— Мы хоть место падения обнаружим. — Ромка быстро натягивал майку. — Если искать — пойдете. А то глядишь — гроза, дождь, опять болото зальет, не проберешься. Пошли?!

И они пошли. Теперь солнце и зной для них не существовали. Следопыты вышли на военную тропу.

До Змеева болота километра полтора. Проселочная дорога ведет через мелколесье и побуревший кустарник. Затем она исчезает, уступая место тропке, вьющейся между замшелых кочек. По этой тропке ребята и подобрались к краю болота.

— А теперь по одному! — скомандовал Ромка, вооружившись на всякий случай длинной жердиной. — В случае чего — тяните меня за жердь.

Под ногами похрустывал мох и обломки Тростника. Пахло гнилыми травами и перепревшей листвой. Желтая осока шуршала при каждом движении ребят. Да, солнце выпило-таки болото.

Целый час блуждали искатели по кочкам обливаясь потом. Первым не выдержал Юрик.

— Хватит, — сказал он. — Этак мы целый день проходим, а толку не будет. Как слепые кутята мечемся. Кто его знает, где он упал.

Ромка, успевший выпачкаться, дернул плечами. — А ты думаешь, сразу найти? Столько лет никто не находил, а ты хочешь в один момент.

— Он всегда так, — горячо заговорила Наташа, — привык делать с налету, раз-два и готово... Обдумать надо, как искать, где.

— Обдумать, подумать... — Юрик сплюнул и уселся рядом с Наташей. — Думайте, если хотите, а у меня от жары голова не работает.

Ромка присел на кочку и продолжал поглядывать по сторонам. Губы его шевелились, градинки пота бежали по вискам и скатывались со щек.

Юрик засмеялся.

— Не голова, а сельсовет!..

— Помалкивай! — огрызнулся Ромка и встал. — Идемте назад. Надо ребят собрать. Одним не справиться.

— Правильно! — Наташа хлопнула в ладоши. — А я еще у мамки спрошу, пусть

получше припомнит, как все было.

— Идите, пожалуйста. А я и без ребят обойдусь, — Юрик недовольно поднялся с места.

— Вот тебе на!.. — развел руками Ромка. — Ты же сам не хотел дальше идти.

— А сейчас расхотел... Вечно, чуть что — ребят звать. А они-то, конечно, рады будут на чужое. Идите, я остаюсь.

— Пойдем, Рома, — Наташа потянула

Ромку за собой. — Пусть остается. У, единоличник несчастный!..

Слово «единоличник» показалось очень обидным.

— Ладно, проваливай отсюда! — Юрик покраснел и сжал кулаки.

Опять взлетели светлые Наташины косички, блеснули голубые глаза. И через несколько минут Юрик остался один.

— Ушли, ну и ладно. Подумаешь! — И все-таки на душе Юрика стало беспокойно. Как никак не он, а Наташа принесла эту газету со статьей о героелетчике. — А, пусть идут. А я назло им найду самолет.

И он двинулся в глубь болота.

Стараясь шагать по кочкам, Юрик иногда оступался и тогда помогал себе жердиной. Вскоре его босые ноги почувствовали влагу — все-таки не всю воду выпил зной. Надо было остерегаться — вдруг провалится нога в трясину.

В одном месте Юрик споткнулся о какую-то корягу, торчавшую из травы. Кувыркнувшись с кочки, он упал, вытянув руки вперед. Под руками булькнуло, и мох подался вниз. Жердина, воткнувшись одним концом в трясину, осталась стоять свечкой. Юрик, отплевываясь от грязи, кое-как вскарабкался на кочку. Попытка вытащить жердь не удалась, Дальше он побрел без нее.

Нет, ничего не видно. Походив вокруг, Юрик решительно двинулся дальше. «Пройду все болото насквозь, — подумал он. — Идти недолго осталось».

Вечерело. И хоть солнце опускалось все ниже, духота не уменьшалась. Юрик, поминутно отирая пот, шагал напрямик. На выходе из болота на него налетела звенящая туча комаров. Отмахиваясь, Юрик пустился наутек — к дороге, где пылила чья-то бричка.

Уже смеркалось, когда Наташа и Ромка, окруженные возбужденными ребятами, увидели, как с подъехавшей брички слез Юрик. Опустив голову, он прошел мимо в свою избу. И как ни звал друга Ромка, Юрик в этот вечер не показался.

А наутро к Змееву болоту цепочками потянулись ребята. Вел их учитель истории Петр Петрович. Набралось около тридцати охотников. Еще бы! Поиски погибшего летчика — дело настоящее.

Юрик, прихрамывая, семенил за учителем, с уважением поглядывая на его клетчатую рубашку. Пожалуй, самым уважаемым в школе учителем был Петр Петрович. Хоть он всего второй год учит ребят, а поди ты — от них отбою нет. Все-то он умеет, а главное, — во всех ребячьих делах толк знает. Теперь он в школе исторический музей организовал. Столько всякой всячины ребята нанесли — девать некуда. Подумать только: какие-то камни вдруг оказались орудиями доисторических людей. Однажды даже Юрик один такой камень нашел.

А Петр Петрович шагал неторопливым, размашистым шагом и с усмешкой слушал раскрасневшегося Ромку, который, захлебываясь, излагал собственный план поисков упавшего самолета.

Группы ребят разошлись по болоту. Петр Петрович уселся под кривоватой елкой. Кто-то прикрутил к ней бечевкой лист картона, на котором фиолетовыми буквами была выведена надпись: «Штаб поискового отряда». Под уками учителя шуршала газета, поодаль стояли лопаты рядком, словно винтовки, и Юрику казалось, что здесь действительно настоящий штаб. От поисковых групп то и дело прибегали связные, которые докладывали обо всем, что обнаруживалось на пути. Впрочем, попадалось совсем не то, что надо: в одном месте коряга, во втором — полусгнивший пенек, в третьем — коровьи рога. Петр Петрович аккуратно ставил отметки в блокноте и легонько насвистывал, покачивая светло-русой головой. Следы самолета пока не встречались.

Юрик потер ногу — она еще побаливала. Проклятая коряга! Теперь щиколотка дня два болеть будет. Наташа и Ромка ушли с ребятами, и Юрик изнывал от безделья.

— Что, Юра, болит?

— Немножко, Петр Петрович. Коряга-то острая, как железка.

— Да, брат, смотреть под ноги надо... Понимаешь, судя по всем данным, самолет дол-ясен быть где-то поблизости... При падении он вошел в болото. Говорят, тогда оно было значительно глубже. В этом вся трудность... Ну, что ж, подождем еще. Посмотрим, что найдется на северо-западной стороне болота.

Прошло еще полчаса.

Группы постепенно дошли до границ болота и теперь возвращались обратно. Возвратился и Ромка. Вытирая со лба пот, он сел у елки и отрицательно качнул головой на немой вопрос Юрика.

— Ничего.

И Юрик загрустил. Вот, почти полдня пропало, и — никаких следов. Сейчас соберутся все ребята и скажут — пора идти по домам, хватит по болоту журавлями вышагивать... А может, здесь самолет-то не падал? Может, Наташа все перепутала?

И в этот момент появилась Наташа. Она бежала к Петру Петровичу, размахивая руками.

— Что?!

— Нашли, Петр Петрович! Вот! — запыхавшаяся Наташа протянула руку и разжала кулак. Ребята впились глазами: на ладони лежал обломок дюралюминия.

— Нашли, Петр Петрович, около жердины. Кто-то воткнул ее. — Наташа радостно поблескивала глазами. Косички чертенками взлетели над ее плечами.

— Жердины? — изумленно протянул Юрик. — Так это моя жердь! Я вчера ее там оставил.

Наташа ехидно прищурилась.

— Да! — упрямо крикнул Юрик. — Я там еще на корягу наткнулся, вот!..

— Пстой, пстой, Юра! — Петр Петрович на миг задумался. — А ну, лопаты в руки — и за мной!.. — И они гуськом направились к месту находки.

Юрик сразу узнал это место. Вот жердь, вот ямка, куда упал Юрик. А вот и место, где найден обломок. Чуть дальше — коряга. Где же он, самолет?..

Петр Петрович подошел к злополучной коряге и потрогал ее.

— Дайте-ка мне лопату!

Он стукнул лопатой о корягу, и она зазвенела.

— Эге! А ну, вооружайтесь!..

Юрик расширенными глазами смотрел на то, как ребята разбрасывали торфяник вокруг коряги. Впрочем, теперь было видно: из болота торчала не коряга, а алюминиевый лист обшивки самолета.

— Ромка, дай, — нетерпеливо попросил Юрик, протягивая руку к лопате.

— Иди ты!.. — Ромка оттолкнул его. — Слепондыря! На самолет наткнулся и не увидел. Не мешай!

Юрик оскорбленно вздернул плечо и посмотрел на Наташу. Та состроила гримасу и отвернулась. Эх вы! Да если бы не Юрик, не его жердь... Впрочем... Юрик понурился и отошел в сторонку. В самом деле, ну не слепондыря ли он? Споткнулся — и не обратил внимания на корягу, ушел. Так тебе и надо, одиноличник!

А работа продолжалась. При падении истребитель упал, видимо, плашмя. Лишь передняя часть с мотором погрузилась значительно глубже, чем хвост.

— Нашли-таки!.. — Ромка торжествующими, счастливыми глазами смотрел на Юрика. И Юрик, забыв все огорчения, прыгал вокруг работающих, пока не получил на короткий миг лопату. Эх, как заходила она в его руках!

Петр Петрович с двумя старшеклассниками стоял в сырой яме уже по пояс. Вот показался фюзеляж. Ребята травой очистили его от болотной грязи и увидели полустертую красную стрелу на изрешеченном боку. А над ней такие же полустершиеся буквы: «За Родину!».

Потом показался потрескавшийся плексигласовый фонарь, закрывавший кабину. Он был разбит. Петр Петрович попытался его сдвинуть с места, но тщетно.

Тогда он просунул в фонарь руку. Затаив дыхание, ребята смотрели за своим учителем.

Петр Петрович с минуту шарил в кабине и, наконец, вытянул черный покособившийся планшет — командирскую сумку с пожелтевшей картой под целлулоидом.

Сгрудившись, ребята окружили Петра Петровича. А он осторожно раскрыл планшет и бережно вытащил из него какие-то изъеденные влагой остатки бумаг, трухлявую, рассыпающуюся карту и стянутый тонкой резинкой прорезиненный пакет. Бумажки учитель отложил в сторонку и вскрыл пакет. Там лежали фотографии — желтые, но целые.

Наступила тишина. Откуда-то донеслось урчание трактора, где-то крикнула птица — ребята молчали, подавшись вперед, не отрывая взгляда от рук учителя.

— Он!..

Петр Петрович с минуту смотрел на фотографию и на Наташину газету, а потом вскинул руку:

— Старший лейтенант Савелов!.. Смотрите, ребята!

Так вот он каков, этот советский летчик. С пожелтевшего листка на ребят смотрел очень молодой человек в кожаной куртке с меховым воротником. Прямой нос, сжатые губы, высокий лоб, а глаза — чуть прищуренные... Взгляд пристальный, прямой.

Юрик с трудом перевел дыхание. Показалось, что в глаза кто-то насыпал песку. Юрик заморгал — глаза его повлажнели. Разволновался. Кто-то всхлипнул поблизости. Юрик повернул голову — и увидел лицо Наташи, по которому пролегли две светлые полосочки...

И тут загомонили все разом. Кто-то спрыгнул в яму с лопатой, но Петр Петрович сказал:

— Хватит, ребята. Это уже не наше дело. Сейчас нужно немедленно сообщить в сельсовет. А мы с вами займемся другим: надо разыскать родных летчика. Напишем письма, расскажем им все, что знаем. Собирайте инструмент!..

Вот такая история произошла жарким знойным летом в Алексеевке. И теперь, когда бы вы ни пришли в летнюю пору к памятнику Григория Савелова, у его подножия всегда найдете букеты ромашек и лиловых колокольчиков. Крепко чтят память героя алексеевцы. На его бюст равняются пионеры, когда приходят сюда под своим развернутым знаменем.

ИСТОРИЯ С ДИВЕРСАНТОМ

Юрик проснулся от странного шума. Не раскрывая сомкнутых век, он лежал и слушал. Гул доносился со стороны шоссе. Что-то урчало, взвизгивало и ухало.

Юрик откинул одеяло и вскочил на ноги. Что бы это могло быть?.. Он выбежал из амбарчика. Обдав лицо водой из бадейки, решительно побежал за ворота, туда, откуда доносился рев моторов.

Выводок пушистых желтых гусят кинулся врассыпную. Старая гусыня возмущенно загоготала и, заплескав крыльями, с шипением пустилась за Юриком. Подпрыгивая и отбиваясь хворостиной от разгневанной гусыни, Юрик взбежал на пригорок и замер.

Вдоль шоссе двигались тяжелые тракторы. На прицепах они тащили толстенные, похожие на огромные пушечные стволы, железные трубы. А в полусотне метров от пыльной ленты шоссе стояли невиданные машины. Урча, они вгрызались в землю блестящими клыкастыми ковшами. За землегрызами чернела свежевырытая глубокая траншея.

Юрик подпрыгнул и восхищенно заорал:

— Урра! Газопровод прокладывают!.. Да, теперь он знает, что тут делается. По трубам пойдет газ из неведомой Шебелинки. Еще вчера газопроводчики работали в соседней деревне. Ромка о них давно уже говорил. А вот и он сам!

Ромка, нахлобучивший соломенную шляпу, сновал среди рабочих. Его отгоняли, но он норовил пробраться поближе к экскаватору.

«Тоже другом называется, — шмыгнул носом Юрик. — Сам давно уже здесь, а меня и не подумал разбудить...»

И он сбежал с пригорка к землеройным машинам.

— Здорово! Гляди, как они роят! Вот сила!.. — И вдруг Ромка хлопнул себя по лбу. — Иди сюда! Дело есть!

Юрик, поджав губы, неохотно приблизился к приятелю.

— Я тут одну штуку в канаве нашел. Историческую! Айда! — И Ромка заспешил впереди Юрика. Перепрыгивая с одной кучи земли на другую, они взобрались на

перерезанный траншеей курган.

— Вот здесь... А куда же он делся? Недоуменно произнес Ромка, разгребая руками песчаный холмик. — Нету. Сам положил, место нарочно заметил... Вот те и на...

— Да что ты ищешь, толком скажи!

— Меч старинный, понял? Его землеройка вырыла, а я подобрал и спрятал.

Юрик усмехнулся.

— Опять придумываешь? Откуда тут мечу быть?.. Болтаешь!

— Я болтаю?

— Ты!

— Я? — Ромкин голос задрожал. — Я болтаю? Спроси у Наташи. Она видела. Она подтвердит. Я болтун, а? Какой правдивый нашелся! — Ромка сдернул с головы шляпу. — Хочешь получить за оскорбление, хочешь?..

— Попробуй!

Чем бы все кончилось — трудно сказать, но поодаль от ребят прозвучал веселый мужской голос:

— Эй, воробьи, тихо! С чего это вы расчирикались? — Рослый, дочерна загорелый рабочий подошел к спорщикам и развел их.

— Так-то лучше, братцы. Спор нужно миром кончать, а не дракой. Не то я вас засуну в эту трубу! — Рабочий засмеялся, блестя белыми крепкими зубами и указал на жерло лежавшей трубы. — Кто зачинщик?

— Он! — Ромка ткнул пальцем в Юрика. — Всех болтунами обзывает.

— Ах вот что... Нехорошо, браток. Однако я ты перец хорош!

Ромка виновато опустил голову.

— Ладно, точка! О чем спорили? — Продолжал допрашивать рабочий. Ромка пересказал, что случилось.

— Фью! А я-то думал, кто на моем участке холодное оружие припрятывает. Ну, Рыжик, напрасно ты своего товарища обидел. Идите-ка за мной. Видите девочку? Вот у нее и меч, и еще кое-что имеется.

— Наташка! — в один голос ахнули ребята.

— Идите-ка к ней, да смотрите у меня, не шуметь. Чтобы мир был! — Рабочий подтолкнул ребят и, посвистывая, прошел дальше. Юрик и Ромка бросились к Наташе, сидевшей на корточках за песчаным бугром. Увидев ребят, девочка поднялась.

— Смотрите, что он мне дал! — В руках Наташи поблескивали бусы зеленоватого стекла.

— Бусы старинные. А вот кольцо бронзовое!..

Юрик готов был сейчас же взять свои слова назад. Потому, что у ног Наташи легкал меч — длинная, изъеденная ржавчиной тяжелая металлическая полоса с крестообразной рукоятью. А Ромка уже забыл о недавней ссоре. Он засиял и, схватив меч, потряс им перед Юриком.

— Чингизхановский, не иначе!.. Только как попал сюда — вопрос.

Наташа передернула плечиком.

— В этом кургане, наверное, древних воинов хоронили. Надо к нашему учителю сходить, показать.

Юрик взвесил на руке меч и крякнул.

— Тяжелый! А ведь еще куска нету...

Ромка напялил шляпу и махнул рукой.

— Пойдемте-ка к землеройке. Может, еще что-нибудь найдется. Ты, Наташ, последи, чтобы никто не утянул меч.

Ромка и Юрик отправились к землеройной машине, но на полпути их перехватил знакомый рабочий.

— Куда?.. А ну, обратно! Здесь дело делается, понятно? Ушибет вас чем-нибудь, а потом отвечай. Марш назад!

Рабочий был прав. Ребята потоптались на месте и неохотно вернулись к Наташе.

— Что, прогнали? А здесь Федулкин был, знаете, что трактористом в РТС работал? Пьяный, самогонкой за версту несло. Что-то высматривал. Хотел у меня бусы забрать, да я не дала. — Наташа бойко потрянула косичками. — Злющий. Наверно оттого, что его уволили со станции. Как зыркнет на меня глазами!

— Зыркнет, зыркнет... — недовольно пробурчал Юрик. — Так ему и нужны стекляшки. Что теперь будем делать? — И он пнул ржавый меч.

— Давай в школу все отнесем, для краеведческого уголка. — Наташа поднялась и пересыпала в кармашек стекляшки бус.

— А верно, пошли! Я и не завтракал еще. — Ромка поднял меч. — А потом, может, раскопки придется делать.

— Пошли! — и Юрик первым двинулся в сторону села.

После завтрака они вновь собрались у траншеи. Находки были временно сложены в амбарчике, у Юрика — школа оказалась закрытой.

Сидя под жаркими солнечными лучами, ребята смотрели, как медленно уходит вдоль шоссе траншея. Они с интересом наблюдали за слепящими вспышками электросварки. Рабочие, одетые, несмотря на жару, в плотные брезентовые костюмы, сваривали трубы, низко нагибая головы под квадратными колпаками с черными оконцами для глаз.

От блеска голубых снопов искр Юрику начало резать глаза, и он отвернулся. Смотря на Ромку, задумчиво протянул:

— Вот работа... А серьезное это дело, ребята. Сколько километров труб сварить им придется? Небошь, дальше, чем от Москвы до Ленинграда.

— Конечно! И чтоб нигде самой махонькой дырочки не было. Ведь он, газ, моментально уйдет из трубы. — Ромка вытер вспотевшее лицо. — А когда газопровод пустят, и у вас в деревне газ будет. Краник повернете, спичкой чиркнете, раз — и готово. Жарьте, варите — ни дыма, ни копоты. И дров не нужно. Как в городе.

Юрик представил, как он зажигает на своей кухне газовую плиту и засмеялся.

— Здорово! Додумались же, а? Слушай, а вдруг газ взорвется? Ох, и полыхнет, наверно! Все-таки, опасное дело.

Наташа фыркнула.

— Кто без головы, — сказала она, — тот еще не то может сделать. Вы ракету запускали, чуть человека не взорвали.

— Вредная ты, Наташка, — беззлобно ответил ей Юрик.

— Ладно, хватит... Давайте другим займемся. — Ромка решительно поднялся. — Того и гляди трубы в канаву уложат и зароят. Где мы тогда будем раскопки делать? Спешить надо. Давайте начнем вечером, когда рабочие уйдут. Тогда никто не помешает. Постараемся незаметно пробраться сюда. А то погонят.

— Идет! — Юрик согласно кивнул. — Ты тоже приходи, — сказал он Наташе. — Будешь сверху смотреть, на всякий случай. Поняла? Все, что найдем, — для краеведческого кружка.

— Ладно.

— Только чур, уговор... — Юрик с хитрецей посмотрел на друзей. — Если старинный шлем найду — мой будет. Я в музее видел, ух и красивый был!

— Эх ты, жадина! — фыркнула Наташа.

— Ладно, ладно, будь по-твоему! — согласился Ромка. — Значит, договорились!

Солнце уже свалилось к горизонту, когда, наконец, утихли машины, а у траншеи вновь появились наши археологи.

— Айда в траншею! — сказал Ромка. Ребята на коленях подобрались к выемке.

Нырнув в траншею, Ромка очертил на отвесной стене квадрат и вонзил лопатку. То же сделал и Юрик. Наташа осталась наверху, внимательно посматривая по сторонам. Она слышала, как переговаривались ребята:

— У тебя ничего?

— Ничего!

— И у меня тоже... Давай дальше, в сторону...

Рыхлый песок легко поддавался усилиям, и все-таки ребята устали. Передохнув, они вновь принимались за дело, стараясь не звякать лопатами.

— Ромк, ничего?

— Ничего!

— Давай возле трубы попробуем.

— Пошли, только тихо.

Они направились вдоль траншеи. Юрик поднял голову — небо темнело, вот-вот появятся первые звезды. В траншее стало прохладнее.

— Тс-с!.. Ромка замер.

— Слышишь?

Ромка превратился в слух. Впереди что-то негромко звякнуло раз, потом еще и еще.

— Кто-то в траншее!

— Ага!

Ребята переглянулись.

— Бежим!

— Погоди, послушаем...

Они присели на корточки, вглядываясь в сумеречный коридор траншеи.

— Человек...

Сверху на них посыпались комья. Ребята вздрогнули.

— Там кто-то ходит. Я видела, как он подобрался к машине и спустился вниз...

— Над краем траншеи выросла голова Наташи. — Он что-то наверх выбрасывает.

Ромка перевел дыхание.

— Юр, если рабочий, то зачем ему прятаться? Диверсант?

У Юрика захолонуло сердце.

— Надо бежать к рабочим в деревню. Может, он трубу просверливает, чтобы газ ушел.

— Давай, быстро!

Ребята вскарабкались наверх. Здесь было не так страшно, и Ромка опомнился.

— Вот что: ты, Наташа, беги за рабочими. А мы с Юриком будем следить.

Поняла? Беги!

Наташа кивнула и быстро скрылась в сумраке.

Ребята уставились в сторону темневшей машины.

— Не видать?

— Нет!

— Смотри зорче!..

А человек все звякал.

— Подползем ближе. Ежели что — удерем! — У Юрика заколотилось сердце. Еще бы! Увидеть настоящего диверсанта! Задержать бы его!

И они поползли вперед, скрываясь за гребнем выброшенной земли.

В траншее все смолкло. Юрику почудились близкие шаги, он даже остановился, схватив за руку Ромку.

— Слышал?

— Что? Это Наташа с рабочими идет!

От деревни действительно донеслись короткие возгласы торопливо идущих людей. Но Юрик вновь услышал в траншее чьи-то шаги.

— Стой!.. Уйдет, стой! — завопили сразу в два голоса ребята. Они вскочили и бросились вслед за бегущим по траншее. Наперерез бежали рабочие.

— Здесь он, здесь! — орал Юрик, прыгая по осыпающемуся гребню.

— Агу его, агу! — вторил Ромка, словно науськивал гончую на зайца. Внезапно впереди что-то глухо ухнуло, раздался мужской возглас и Юрик полетел вниз, увлекая за собой перепуганного Ромку. Когда они опомнились, сверху светили узкие лучи карманных фонарей подоспевших рабочих. Часть траншеи была обрушена, и из завала торчали чья-то голова и руки, разгребающие песок.

— Вот он, субчик, поймался!

Ребят вытащили из траншеи сразу. А вслед за ними перед рабочими предстал неизвестный. Он протирал глаза и поминутно чихал.

При взгляде на задержанного ребята онемели. Они готовы были провалиться сквозь землю. В этом неизвестном они узнали — кого бы вы думали? — не диверсанта и даже не Федулкина, а Петра Петровича, учителя, того самого, с которым они искали в Змеевом болоте самолет... Вот какие дела случаются!

Оробевшие, стояли ребята перед смеющимся учителем.

— Значит, диверсанта ловили? — спрашивал он и вновь смеялся вместе с рабочими. — Ну, молодцы!.. Ладно, не смущайтесь, я не в обиде, идемте-ка домой. — И покуда они шли, рассказал, как ему сообщили о находках, сделанных в траншее, как он не утерпел и кинулся сюда, не дождаввшись следующего утра.

Приотстав, Ромка прошипел в Юриково ухо:

— А все ты!.. Трубу просверлит, поймать надо!.. Срам!..

Юрик ответил тем же шепотом:

— Не я первый! Кто про диверсанта сказал?!

Впрочем, ребята в глубине души были даже довольны: кто знает, как бы все вышло, будь на месте учителя настоящий диверсант.

Главное — труба цела и шебелинский газ не вырвется из нее.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТА

Вот он, свежий, пахнувший краской лист газеты. Вверху его огромные буквы: «Советский гражданин в космосе». А пониже большой портрет летчика с подписью: «Летчик-космонавт майор Герман Степанович Титов». Человек, который за 25 часов 17 раз облетел Землю!..

— Тоже майор, как Гагарин! — сказал Юрик Наташе, указывая пальцем на большую звезду, видневшуюся на погоне космонавта.

— Они, космонавты, наверно, все майоры!

— Наверно, — сказала Наташа и добавила: — Полететь бы!..

— Хм!.. Космонавтом — не балериной быть, — твердо сказал Юрик. — Там, знаешь, какие перегрузки организма? Читала?..

— Читала... А вот сам читай: видишь — и женщины тоже могут быть космонавтами!.. Сам Титов об этом говорит! — Наташа торжественно потрясла газетой. — Вот здесь, смотри!

Ребята замолчали, вновь разглядывая портрет космонавта. Они даже не услышали, как в комнату вошел Ромка.

— Вы долго будете тут сидеть? Я им кричу с улицы, а они ни гу-гу!.. Айда, на полевой стан, телевизор смотреть! Встречу Титова показывать будут! Только в клуб сначала забежим, заведующая телевизор оттуда повезет.

Словно ветер сорвал ребят с мест. Вприпрыжку, обгоняя друг друга, бросились они вдоль улицы.

Полевой стан — два деревянных вагончика, где жили трактористы и комбайнеры. Он располагался на крутом речном берегу, густо поросшем деревьями. Сейчас, когда началась страда, народу здесь было полно. Колхозники здесь обедали и отдыхали. Поэтому и было решено перевезти сюда телевизор.

Высокая светловолосая девушка в голубом платье — заведующая клубом — словно ожидала ребят. Вместе с ними она перенесла тяжелый лакированный ящик к телеге и поставила на подстилку, покрывавшую свежее душистое сено. Федотыч махнул вожжами, и лошадь, не спеша, затрусила по дороге.

Стрижами неслись ребята к зеленым вагончикам. Они сократили расстояние, пройдя наискось звенящий колосьями участок озимой пшеницы и первыми встретили подводу Федотыча.

Кто-то из трактористов уже прилаживал антенну на высокой густой раките. Юрик и Ромка старательно пытели, помогая заведующей и Федотычу внести телевизор в один из вагончиков.

Наконец, он был установлен на двух табуретах. Затарахтела электропередвижка — и в сумраке вагончика вспыхнуло голубое окно экрана. Зазвучала торжественная музыка, однако вместо четкого изображения на экране переливались черные и белые полосы.

Заведующая озабоченно сказала:

— Что делать?.. Не знаю! Никак изображение не отрегулирую, Федотыч! А люди сейчас подойдут. Да и время передачи близко...

Федотыч, устроившийся на травке, поднял седые брови.

— Проверь антенну, дочка! Надьсь у Липатовых тоже так было. А потом Егорка на крышу залез, глянул, а пръвод-то тью-тью!.. Оторвался.

Ребята задрали вверх головы. Телевизионная антенна едва виднелась среди густой зелени.

Завклубом внимательно посмотрела на антенну и пожалала плечами.

— Ничего не вижу. Что ж теперь делать? Вот и люди идут. Ребята, кто из вас к технику добежит, а? Знаете Михеева, чей дом шифером крыт? Ну-ка ты, — завклубом подозвала какого-то мальчугана, — бегом к нему! Скажи, что важная передача срывается!

Мальчуган кивнул и во весь дух побежал по дороге, поднимая клубы пыли.

— Плохо дело, Юрик! — толкнул в бок приятеля Ромка. — Неужто не посмотрим, а? Вдруг техника нет...

— А его и нету на самом деле, — печально сказала Наташа. — Он в райцентр рано утром уехал на машине, я сама видела.

— Ах ты!..

Ребята поплелись вслед за расстроенной заведующей клубом. А в холодке уже размещались пришедшие на обеденный перерыв колхозники. Слышался гул оживленных голосов.

— Стой! — Юрик решительно остановил друзей. — Надо самим посмотреть, что там. Снизу-то не видно, а если влезть на дерево? Пошли назад!

Ребята вновь вышли и осмотрели ракиту.

— Ух, высоко как! Голова закружится... — Наташа боязливо передернула плечами.

— Ага! Титов еще выше летал, а голова у него не кружилась! — Ромка усмехнулся. — Ну-ка, подсадите меня!..

Скрестив руки, Юрик и Наташа подставили их Ромке. Став, как на ступеньку, Ромка ухватился за нижний сук, подтянулся и... Сук треснул, Ромка ахнул и сорвался вниз, сбив с ног Наташу и Юрика.

— Тюлень какой-то! — потирая ушибленный бок, захныкала Наташа. — Не можешь — не лезь!

Юрик молча поднялся с земли и помог встать Ромке.

— Ладно, не ной! — коротко сказал он Наташе и прицелился глазом на треснувший сук.

— Ромка тяжелый. Ему лезть нельзя. Вверху сучья тонкие, могут обломиться. Подсаживайте меня! — Юрик подошел вплотную к стволу дерева.

Натужась, Ромка и Наташа подсадили Юрика вверх. Ухватившись, Юрик подтянулся на руках. — Все! Теперь полезу выше... — И цепко хватаясь за сучья, Юрик скрылся в гуще зелени.

Вот он показался уже над крышей вагончика, потом скрылся опять.

— Цепкий, как обезьяна! — Одобрительно произнес Ромка. — Я бы тоже так...

— Не хвались! — Наташа поморщилась. — Вечно хвалишься!

Между тем, Юрик продолжал карабкаться все выше и выше. На миг он взглянул вниз — и холодок пробежал между лопатками. Что, если он сорвется? Высота-то оказывается какая! Снизу она не так заметна. А отсюда... Юрик вцепился в толстый сук и прильнул к стволу. Надо отдышаться. И зачем это придумали взгромоздить антенну на ракиту? Юрик посмотрел вверх. А вверху сучья тонкие, да и ствол ненадежным кажется. Ишь как его ветром качает...

Стараясь не смотреть вниз, Юрик полез дальше. Вот и тонкий сук... Так, осторожно, осторожно! Ага, держит! Теперь другой ногой, сюда... Так!.. А вот здесь не дотянешься! Вот тебе и на... И ведь совсем немного осталось.

Ствол качнулся влево, и Юрик судорожно обхватил его руками. Он глянул вниз и зажмурился — настолько головокружительной по казалась высота, с которой он глядел... Проклятое дерево!.. Ну, что бы ему хоть бы один сучок иметь вот здесь? Ведь повыше ствол раздваивался, там вполне можно было и присесть. И антенна там...

— Эй, Юрик! Слышишь меня? — неожиданно донесся снизу мужской голос. — Ты что, застрял?

Юрик посмотрел вниз. В просвете между листвой виднелся кусок лужайки, толпа взрослых и ребятшек. А вот и Ромка, Наташи не видно.

— Отвечай, что там с антенной? — Юрик, наконец, увидел спрашивающего. Это был дядя Кондратий.

— Ничего! — тоненько закричал Юрик. — Я ничего еще не вижу. Сейчас полезу дальше!

— Давай, давай! Смотри только поосторожней, слышишь?

— Ага!.. Слышу! Я сейчас! Удивительное дело: Юрик вдруг перестал

бояться. И даже ствол как бы начал меньше раскачиваться. Вдохнув, словно готовясь нырнуть, Юрик обнял руками дерево, подтянулся, охватил ствол ногами, потом еще раз проделал то же самое и — вот она, развилка... Конец пути!

Усевшись верхом и прижавшись спиной к толстому суку, Юрик осмотрел антенну. Вот в чем, оказывается, дело! Проволока, которой был прикручен шест к дереву, ослабела, и антенна повисла на ветках.

Ухватившись за шест, Юрик с трудом поставил антенну в прежнее положение. Однако только он отнял руки, как антенна вновь начала клониться. Эх, Юрик, Юрик! Ну, что бы захватить с собой кусок проволоки, или хотя бы веревки? А в кармане Юрика сейчас только клубочек ниток — для змея. Юрик посмотрел вниз. Что-то там произошло? Толпа под деревом исчезла. Только дядя Кондратий да Наташа остались. А вот из вагончика выбежала девушка в голубом. Она машет руками и что-то говорит Кондратию.

— Юрий! Слезай, передача началась! — услышал Юрик голос Кондратия.

— Все хорошо видно! — закричала заведующая клубом. — Ты молодец! Слезай!

Эх, и чудачки люди! Ну как он слезет, если антенну держать надо?

— Я не могу слезать... Антенна плохо привязана, я ее держу, дядя Кондратий!

Юрик видел, как завклубом и Кондратий о чем-то заговорили. Потом появился Ромка. Он восхищенно подпрыгивал на месте, давая понять жестами, что передача идет отлично.

И Юрик загрустил. Вот как получается! Все смотрят встречу космонавта, а он, Юрик, должен сидеть здесь и держать шест. Бросить да слезть! Да ведь все равно тогда ничего не увидишь. Никто не увидит!

Последняя мысль заставила Юрика крепче сжать пальцы на шесте. Нет, что-то нехорошо получается. Выходит, если он не увидит ничего, пусть и другие тоже ничего не видят? Это же самое последнее дело. — Что ж, придется сидеть, — подумал Юрик.

А внизу вместо Ромки уже прыгала Наташа. Звонким голосом она рассказывала Юрику о том, что происходило на экране телевизора. Через минуту к ракете вновь подбежал Ромка и продолжил рассказ Наташи. И так повторялось неоднократно. Юрику стало даже весело слушать такой необычный репортаж.

Сначала держать шест было нетрудно. Но потом руки начали слабеть. Вот еще напасть! Юрик освободил одну руку и, обломив несколько гибких веток, кое-как обкрутил ими ствол и шест.. Стало несколько легче, но все-таки Юрик сознавал, что так долго не продержится. Еще раз посмотрев вниз, он увидел дядю Кондратия на крыше вагончика с мотком проволоки в руках. Видимо, Кондратий хотел бросить моток Юрику. Но, смерив взглядом расстояние до Юрика, дядя Кондратий безнадежно махнул рукой. Высоко, да и вряд ли поймает мальчишка! А то еще и сорвется.

— Дядя Кондратий! Погоди!.. Сейчас!.. — Юрик нащупал в кармане клубок ниток. И как он не догадался этого сделать раньше?

Привязав конец нитки к суку, Юрик размахнулся и бросил клубок в сторону крыши.

— Дядя Кондратий! Нитка суровая, надежная! Привязывайте проволоку!

Дальше все было просто: Юрик подтянул к себе моток медной проволоки, обкрутил покрепче шест антенны вместе со стволом и, неторопясь, начал спускаться.

С последнего сука, который все-таки обломился, он упал прямо в руки Кондратия, и тот поставил его на землю.

— Ну, космонавт, спасибо от колхозников! Дай-ка пять! — И Кондратий протянул Юрику широкую ладонь. — Молодец! А сейчас беги к телевизору, пока передача еще идет!

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

Поутру Юрик долго не мог проснуться. Перебаривая дремоту, он все-таки поднялся и посмотрел в щелочку между бревешками стены. Солнца не было. Пахло влагой, воздух казался тяжелым. На дворе кричал петух и хлопал крыльями, роняя рыжие перья. Шарик уныло зевал, высунув кудлатую голову из конуры.

Юрик не успел дойти до двери амбара, как вдруг щелкнул огненный бич, опоясав полнеба, и грохот обвалился на соломенную крышу. Обгоняя кур, петух с криком пронесся к курятнику, а Шарик залаял — заругался по-собачьему.

Юрик даже присел от неожиданности. Ну и трахнуло! Как бомба. Как рвется

бомба, он никогда не слышал, конечно, разве только в кино. Однако взрослые недаром говорят — бабахает, как во время бомбежки.

А пальба все учащалась. Налетел ветер, рванул за ветки вишенник, поднял столб пыли, засвистел и — утих. И сразу поил дождь. Сплошной белесой стеной отгородил он амбар от избы. Водяные струи закипели на земле. Гром грохотал непрерывно, стусившиеся сумерки трепетали розовым огнем.

Честно говоря, Юрику стало страшновато. В амбаре — как в землянке. Добро бы с Ромкой, а то один...

И вдруг Юрик вспомнил: Ромка завтра уезжает. Ведь они уговорились сегодня побродить в последний раз по своим заповедным местам. А тут — гроза.

Холодная крупная капля шлепнулась на голову Юрика. Ливень продолжал неистовствовать, старая, крытая соломой кровля амбара не выдерживала его стремительного натиска. Юрик натянул на голову старую отцовскую шинель.

Да, Ромка уезжает. Значит, в самом деле кончилось лето. Еще полторы недели — а там в школу. Скучно будет без Ромки. Слушая, как барабанит дождь, Юрик вспомнил и то как они разыскивали компас с морского фрегата, и историю с «диверсантом», и поиски самолета, и как ныряли в Берестянку за бидоном. Вспомнился ему и запуск ракеты, и что из этого вышло. Нет, определенно ему будет не хватать Ромки. Правда, есть Наташка. Она ничего девчонка, но ведь это все-таки девчонка.

Где-то близко раздался короткий, резкий, но совсем не громкий удар. И вслед за ним дождь начал редеть, небо посветлело.

— Наконец-то кончается, — подумал Юрик и закрыл глаза. Под шинелью ему стало тепло. Опять начало клонить ко сну, и он задремал под монотонный шум поредевшего дождя...

— Эй! Вставай! Полундра!

Юрику показалось, что он слышит Ромкин голос во сне.

— Юрик!.. Вставай, пожар!.. — Ромкин голос раздался над самым ухом, и Юрик вскочил.

Да, перед ним был Ромка, одетый в отцовский прорезиненный плащ.

— Бежим, соня! Телятник горит! Лезь под плащ! Айда!

Юрик сбросил шинель.

— Бежим!

Обняв друг друга, шлепая по лужам, они через сад выбрались к кособору, на котором стоял телятник. Крыша над входом окутывалась клубами жидкого дыма, плясали красные языки пламени, слышался рев испуганных телят.

Люди, мокрые, грязные, суетились, пытались проникнуть через ворота внутрь помещения. Кто-то тащил багор, гремели ведра, к реке цепочкой уходили женщины. В ведрах воду передавали из рук в руки. Несколько человек, забравшись на крышу, пытались сбить пламя, но им это не удавалось.

— А ведь сгорят телятки, — горестно сказала старая Сидоровна, всплеснув руками. — Погибнут комолые! С этой стороны не подступиться — все горит. А другой выход изнутри закрыт. Ой беда-то какая!.. — Сидоровна посмотрела на ребят и цыкнула: — А вы зачем? Прочь! Пожжетесь!

— Идем, Ромка! — Юрик потянул друга за собой. — Пойдем на ту сторону.

Они обогнули телятник. Здесь тоже суетились люди во главе с Кондратием, пытавшимся ломом пробить доски закрытого входа.

— Неужто сгорят, Юрик? — тихо спросил Ромка. Глаза его широко раскрылись. — Жалко, а?

Юрик вздохнул. Еще бы не жалко! Тридцать телят, да каких! Племенные! Он представил добрые, бархатистые морды животных, глаза, которые почему-то казались всегда грустными. Прищурясь от дыма, он несколько секунд смотрел на кирпичные стены с узкими окнами, из которых выбивался еще негустой сизый дымок, и вдруг побежал.

Следом за ним, путаясь в полах плаща, побежал и Ромка.

У стены Юрик остановился, примериваясь.

— Высоко... Подсади, Ромка!

Ромка поднял белесые брови и вдруг, поняв все, отбросил плащ в сторону и пригнулся, упершись лбом и руками в стену.

Побледневший Юрик взобрался на его плечи, ухватился за выступ стены, потом просунул руки в окно и начал медленно переваливаться внутрь.

Ромка видел, как мелькнули в последний раз грязные пятки Юрика и затем его туловище исчезло.

— Там! Эй, дядя Кондратий! Дядя Кондратий!.. — Ромка стремглав бросился к бригадире, тщетно пытавшемуся сокрушить добротные сделанные двери.

— Дядя Кондратий! Там Юрик! Юрик, понимаете?

Бригадир опустил лом и тряхнул свободной рукой плечо Ромки.

— Там? Как он туда попал?!

— Я его подсадил, дядя Евсеич. В окно, с той стороны!

— Ах, вы! Ведь сгореть может малый! А ну, сюда все скорей!.. Мальчонка в телятнике! — Кондратий кинулся к двери, и в этот момент за ней что-то грохнуло.

А тем временем Юрик, перевалившись внутрь телятника, упал, больно стукнувшись головой о какое-то бревно. В телятнике плавал дым, вспыхивали трескучие языки, сыпались искры. Телята ошалело мычали, сбившись кучей у закрытой двери. Пахло паленой шерстью.

Задыхаясь от едкого дыма, щуря глаза, Юрик бросился к двери. Словно чувствуя спасителя, телята потянулись к Юрику, тесня его в угол.

— Затопчут, сомнут... — мелькнуло в голове Юрика. Кашляя, он кричал им какие-то успокаивающие слова и пробирался все дальше и дальше. Перебравшись через стойло, Юрик приблизился к воротам. Тяжелый длинный брус, вставленный в скобы, запирали их. Вот он!

В противоположном конце телятника что-то треснуло и рухнуло на пол. Посыпались раскаленные угли, обломки перекрытия. Юрик испуганно вскрикнул — страшно! А вдруг этот проклятый брус не поддастся!

И он вцепился руками в запор. Хотя бы столкнуть его с места!.. Ну, да подайся же!

В глазах заплясали огненные мошки. Брус тихонько дрогнул. Какая-то телочка с белой звездочкой на безрогом лбу прижала Юрика к стене. Чувствуя, что начинает задыхаться, Юрик сделал еще усилие — и брус, наконец, подался. Ворота затрещали и открылись. Задржав хвосты, с ревом бросились наружу телята.

Юрик не успел выйти — в телятник ворвались люди. Дядя Кондратий, щуря слезящиеся глаза, заметил согнувшуюся фигурку Юрика и в одно мгновение поднял его сильными ручищами.

— Вот он, орел!

А дождь уже прошел. Ветер разгонял последние остатки туч. Солнце осветило мокрый луг, по которому разбежались телята, гомонящих людей, красную пожарную автомашину, радугой брызг над утихающим пламенем.

Наглотавшийся дыма Юрик долго откашливался, сидя на перевернутой повозке. Рядом с ним стоял Ромка. Он не находил слов. И думал о том, как это здорово, что у него такой храбрый друг.

А Юрик ни о чем не думал. Ему было нехорошо. Кружилась голова и чуточку поташнивало. И только когда к ним подошла девчонка с двумя светлыми косичками, он очнулся.

— Юра, — сказала Наташа торжественным, чуть дрожащим голосом. — Юра, ты... Знаешь, ты молодец!

Юрик взлохматил свой рыжий чубчик и покосился на Ромку. Вишь ты, до чего Наташка расчувствовалась. И нарочито грубоватым тоном сказал:

— Тоже сказала! Подумаешь, великое дело. И ты бы смогла. А потом не я же один... Если б не Ромка, как бы я влез в окно?

Так начался этот августовский день. А закончился он тем, что Наташа и Юрик провожали уезжавшего в город Ромку.

За синей гребенкой леса садилось солнце. Красные лучи-прожекторы пробивались между стволами деревьев и отражались на лаковых крыльях и стеклах серой «Волги». Вечер выходил туманом из низин и со стороны болота.

Отец Ромки простился с ребятами и отошел к шоферу. А Ромка в белой рубашке, отутюженных брюках и новеньких сандалиях прижимал к груди сверток.

— Ну, пора, что ли, — Юрик наморщил лоб. — Ты это... Ну, пиши, ладно?.. — Он потоптался босыми ногами и со вздохом протянул руку.

— Давай, держи!

Ромка пожал пальцы приятеля.

Я обязательно напишу. И тебе, Наташа!.. Теперь мы долго не увидимся. Отца в Казахстан командируют, там нефть искать будут. А я в Москве останусь учиться, понимаешь? Вот... Только и вы мне пишите! Адрес знаете.

«Волга» заторопила прощавшихся длинным гудком. Ромка заволновался.

— Ну, значит, договорились, ребята... Вот, возьми, Юра, на память... Возьми, возьми! Мне папа разрешил... — И Ромка протянул сверток.

Юрик бережно отвернул край бумаги и вскинул глаза на Ромку. Да, это был подарок! Компас, тот самый, что поднят со дна Севастопольской бухты. Только сейчас он был начищен и корпус его отливал золотом.

Ромка умолк и, пожав руку притихшей Наташе, побежал к «Волге». Хлопнула дверца, заурчал мотор, и машина рванулась с места, оставляя за собой пыльный шлейф.

Наташа и Юрик смотрели вслед автомобилю и махали руками. Они стояли до тех пор, пока «Волга» не исчезла в синеватой дымке.

Проводив взглядом машину, Юрка повернулся к Наташе:

— Уехал... Пошли домой, Наташ... Закатное солнце освещало убегающую вдаль дорогу. Рыжие крыши, силосные башни маячили впереди. День уходил все дальше и дальше. Жаркое лето кончилось...